

Jus strictum

Основан в 2010 г.

№ 3

2024

16+

Ежеквартальный
научный журнал

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Главный редактор

Криштал Михаил Михайлович, д. ф.-м. н., профессор

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, д. ю. н., доцент

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, д. ю. н., доцент

Дежнев Александр Сергеевич, д. ю. н., доцент

Дуюнов Владимир Кузьмич, д. ю. н., профессор

Ирошников Денис Владимирович, д. ю. н., доцент

Кленова Татьяна Владимировна, д. ю. н., профессор

Лазарева Валентина Александровна, д. ю. н., профессор

Ланг Петр Петрович, д. ю. н., доцент

Муравьев Кирилл Владимирович, д. ю. н., доцент

Насонова Ирина Александровна, д. ю. н., профессор

Некрасов Александр Петрович, д. ю. н., профессор

Россинский Сергей Борисович, д. ю. н., профессор

Рябинина Татьяна Кимовна, д. ю. н., профессор

Субочев Виталий Викторович, д. ю. н., профессор

Суменков Сергей Юрьевич, д. ю. н., доцент

Трофимов Василий Владиславович, д. ю. н., доцент

Хужин Альфир Мисхатович, д. ю. н., доцент

До июня 2024 года журнал
выходил под названием
«Вектор науки
Тольяттинского
государственного
университета. Серия:
Юридические науки».

Включен в Перечень ВАК,
входит в РИНЦ,
Доступен в Crossref.

Зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере
связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (свидетельство
о регистрации
серия №
от число месяц 2024 г.).

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России»:
45079.

Компьютерная верстка:
Н.А. Никитенко

Ответственный/технический
редактор:
Н.А. Никитенко

Адрес редакции: 445020,
Россия, Самарская область,
г. Тольятти,
ул. Белорусская, 14
Тел.: (8482) 44-91-74
E-mail:
vektornaukitgu@yandex.ru

Сайт:
<https://vektornaukipravo.ru>

Подписано в печать
16.09.2024.

Выход в свет 30.09.2024.

Формат 60×84 1/8.

Печать цифровая.

Усл. п. л. 4,8.

Тираж 25 экз. Заказ 3-204-24.

Цена свободная.

СВЕДЕНИЯ О ЧЛЕНАХ РЕДКОЛЛЕГИИ

Главный редактор

Кристал Михаил Михайлович, доктор физико-математических наук, профессор, ректор (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Заместитель главного редактора

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент, директор Института права (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Редакционная коллегия:

Азарёнок Николай Васильевич, доктор юридических наук, доцент, директор Института юстиции, профессор кафедры судебной деятельности и уголовного процесса имени П.М. Давыдова (Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия).

Дежнев Александр Сергеевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса (Омская академия МВД Российской Федерации, Омск, Россия).

Дуюнов Владимир Кузьмич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Уголовное право и процесс» (Тольяттинский государственный университет, Тольятти, Россия).

Прошников Денис Владимирович, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой правового обеспечения национальной безопасности (Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия).

Кленова Татьяна Владимировна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии (Самарский национально-исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Лазарева Валентина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики (Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, Самара, Россия).

Ланг Петр Петрович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского и арбитражного процесса (Самарский государственный экономический университет, Самара, Россия), судья (Арбитражный суд города Москвы, Москва, Россия).

Муравьев Кирилл Владимирович, доктор юридических наук, доцент, начальник научно-исследовательского центра (Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, Орел, Россия).

Насонова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса (Воронежский институт МВД России, Воронеж, Россия).

Некрасов Александр Петрович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права (Самарский юридический институт ФСИН России, Самара, Россия).

Росинский Сергей Борисович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия).

Рябинина Татьяна Кимовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики (Юго-Западный государственный университет, Курск, Россия).

Субочев Виталий Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного регулирования (Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Москва, Россия).

Суменков Сергей Юрьевич, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры «Государственно-правовые дисциплины» (Пензенский государственный университет, Пенза, Россия).

Трофимов Василий Владиславович, доктор юридических наук, доцент, начальник Научно-исследовательского центра государственно-правовых исследований, профессор кафедры теории и истории государства и права (Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, Тамбов, Россия).

Хужин Альфир Мисхатович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса (Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия).

СОДЕРЖАНИЕ

Равноправие и справедливость как основание унификации права граждан на страховую трудовую пенсию Вершинина С.И., Кожевников Р.О.	5
Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве Корчагина К.А.	12
Развитие советских уголовно-правовых запретов в период Великой Отечественной войны Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н.	20
Злоупотребление правом, неравноценность встречного исполнения, искусственная задолженность в контексте оспаривания сделок должника в рамках процедуры банкротства Чуклова Е.В., Бабич А.В.	27
Рецензия на курс лекций «Криминалистика: краткий курс лекций для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция» Е.С. Шуршаловой, С.Н. Смолькова Шошин С.В.	34
НАШИ АВТОРЫ	40

CONTENT

Equality and justice as the basis for unification of the right of citizens for an insurance labor pension Vershina S.I., Kozhevnikov R.O.	5
Legal personality of officials of the prosecution authorities in criminal proceedings Korchagina K.A.	12
The development of Soviet penal prohibitions during the Great Patriotic War Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N.	20
Abuse of right, unequal counter-execution, artificial debt in the context of challenging of debtor's transactions under bankruptcy proceedings Chuklova E.V., Babich A.V.	27
Review of the series of lectures "Forensic Science: a short series of lectures for students of the training program 40.03.01 Jurisprudence" by E.S. Shurshalova, S.N. Smolkov Shoshin S.V.	34
OUR AUTHORS	40

Равноправие и справедливость как основание унификации права граждан на страховую трудовую пенсию

© 2024

*Вершинина Светлана Ивановна**¹, доктор юридических наук, доцент, директор Института права
Кожевников Роман Олегович, студент Института права
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

*E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3501-3632>

Поступила в редакцию 23.07.2024

Принята к публикации 26.08.2024

Аннотация: Предусмотренная действующим законодательством дифференциация по половому признаку права граждан Российской Федерации на страховую трудовую пенсию вызывает у гражданского общества вопросы в связи с несоответствием норм, устанавливающих разный возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин, гарантированному Конституцией РФ принципу равноправия и обеспечению социальной справедливости в обществе. Одна из причин заключается в том, что значительная часть мужчин не доживают до установленного законом 65-летнего пенсионного возраста. Анализируя действующие нормы права и сопоставляя их со статистическими данными и результатами правоприменения, свидетельствующими о явно несправедливом нормировании данных отношений, авторы предлагают собственное видение решения существующих проблем. Обосновывается вывод о необходимости унификации права граждан на страховую пенсию посредством установления общего для мужчин и женщин 60-летнего возраста выхода на пенсию на период решения в государстве основных демографических проблем и создания условий для повышения продолжительности жизни. Одновременно, подчеркивая особую роль женщин, авторы предлагают в целях создания благоприятного режима формирования страхового стажа женщин и обеспечения формального равенства с мужчинами законодательно включить в страховой стаж женщины время, связанное с рождением и воспитанием детей, независимо от наличия у нее предшествующих трудовых отношений и страхового стажа.

Ключевые слова: страховая трудовая пенсия; страховое пенсионное обеспечение; принцип равноправия; справедливость права; дифференциация права на пенсию; унификация права на пенсию; страховой стаж; страховая пенсия; возраст выхода на пенсию; социальная справедливость.

Для цитирования: Вершинина С.И., Кожевников Р.О. Равноправие и справедливость как основание унификации права граждан на страховую трудовую пенсию // Jus strictum. 2024. № 3. С. 5–11. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-1.

ВВЕДЕНИЕ

Равенство прав граждан закрепляется Конституцией РФ и является основополагающим принципом при регулировании трудовых отношений. В соответствии со ст. 2 Трудового кодекса РФ основными принципами правового регулирования трудовых и иных, непосредственно связанных с ними отношений являются основополагающие положения, в равной мере относящиеся как к мужчинам, так и к женщинам. Однако равноправие граждан в трудовых отношениях не находит своего продолжения в производной от них сфере пенсионного обеспечения. Используется дифференцированный подход при определении возраста окончания трудовой деятельности и выхода на трудовую пенсию, критерием которого выступает пол гражданина: для женщин устанавливается возрастной порог в 60 лет, для мужчин – 65 лет.

Дифференцированный подход к предоставлению права на трудовую пенсию мужчинам и женщинам традиционен для советской и постсоветской России начиная с 1930-х гг.¹ Однако в течение последних шести лет

(с момента проведения пенсионной реформы 2018 г.) проблема установления возраста выхода на пенсию приобретает все большую актуальность. Одна из причин, поддерживающих интерес к данному вопросу, заключается в анализе официальных статистических данных, фиксирующих срок продолжительности жизни в России для граждан мужского и женского пола, согласно которым значительная часть мужчин не доживает до установленного законом пенсионного возраста².

Учитывая данные обстоятельства, общественные деятели³ высказывают мнение, что половые различия в установлении разного возраста выхода на пенсию являются признаком дискриминации и нарушением ст. 19 Конституции РФ, закрепляющей, что «государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от пола». Данные факты отмечаются и в работах [1–3]. Хотя в последние годы представлены результаты серьезных научных исследований по проблемам социально-страхового обеспечения [4–6],

¹ Постановление Центрального исполнительного комитета и Совета Народных Комиссаров «Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию» // Исторические материалы. URL: <https://istmat.org/node/49433>.

² Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

³ Уравнять возраст выхода на пенсию для мужчин и женщин до 65 лет // Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/109808>.

в том числе по разрешению проблем в установлении юридических фактов, значимых для возникновения права на страховую пенсию [7], законодательство продолжает оставаться неизменным.

Актуальность данной проблематики обусловлена и тем, что в ряде стран уже реализован подход, при котором мужчины и женщины уходят на пенсию при достижении общего для обоих полов возраста. Такие правила действуют в Германии, Франции, Великобритании, Японии, США⁴ и других государствах. Аналогичным образом решается вопрос о возрастном пороге и в некоторых странах СНГ. Так, Армения с 2010 г. законодательно установила 63-летний возраст выхода на трудовую пенсию для лиц обоих полов⁵, а в Азербайджане⁶, Молдове⁷ и Казахстане⁸ этот процесс планируется завершить в ближайшие 3–4 года посредством повышения возраста выхода на пенсию женщин, доводя его до уровня мужчин: в одних государствах – до 63 лет, в других – до 65 лет.

Закрепленное российскими законами гендерное неравенство в установлении возраста выхода на трудовую пенсию трудно объяснить, учитывая, что право на трудовую пенсию непосредственно вытекает из конституционного права на труд, возникающего у мужчин и женщин одновременно в 16 лет и реализуемого в условиях их правового и действительного равенства. Независимо от пола работники за одинаковые функции и объем работы получают равную заработную плату, имеют одинаковый режим работы. Сегодня, когда очевидно стремление государства к устранению дискриминационных практик и укреплению принципов гендерного равенства в сфере трудовых отношений, о чем свидетельствует Приказ Минтруда России № 512н, сокративший список запрещенных для женщин профессий с 450 до 100, полагаем, настало время вновь вернуться к вопросу об обоснованности определения возраста выхода на трудовую пенсию мужчин и женщин в сфере страхового пенсионного обеспечения и оценить эти нормы с позиции социальной справедливости и равноправия граждан.

Указанные различия в пенсионном обеспечении граждан РФ и очевидная несправедливость в правовом регулировании данных вопросов определили предмет и цель исследования. Предмет исследования составляют нормы российского права, регламентирующие от-

ношения в сфере пенсионного обеспечения, в том числе закрепляющие основания возникновения права на страховое пенсионное обеспечение мужчин и женщин, научные и публицистические работы по данной тематике, а также официальные статистические данные, фиксирующие объективные показатели действия рассматриваемых норм права.

Цель исследования – проанализировать правовые нормы действующего законодательства, регламентирующего вопросы выхода граждан на страховую трудовую пенсию, с позиции соответствия их принципам равноправия и справедливости и на основе полученных результатов оценить необходимость законодательных изменений в данном направлении.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нормы действующего законодательства, устанавливающие дифференцированный порядок реализации гражданами РФ права на трудовую пенсию, проанализированы с позиции соответствия общеправовым принципам равноправия и справедливости. Логика исследования строилась на выявлении причинно-следственных связей, обусловивших принятие действующих норм, оценке их обоснованности, логичности и целесообразности в современный период России и поиске путей и направлений совершенствования действующего правового регулирования. Для проведения исследования был использован аспектный подход, позволивший направить фокус внимания на наиболее важную и актуальную проблему дифференциации возраста выхода на пенсию, выделить главные и существенные свойства и характеристики исследуемого предмета и обозначить этапы исследования:

- 1) порядок формирования страхового стажа;
- 2) критерии определения возраста выхода на пенсию;
- 3) соотношение возраста выхода на пенсию и возраста старости.

На каждом этапе анализировалась научная и публицистическая литература по теме исследования, рассматривались и обобщались статистические данные по проблемным вопросам и последовательно решались задачи по проверке обоснованности действующих правовых норм и аргументов, высказанных Конституционным судом РФ.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Порядок формирования страхового стажа

Ст. 19 Конституции РФ гласит: «Каждый человек независимо от пола или расы имеет равные права и свободы», т. е. мужчина и женщина обладают равными правами и свободами. Применительно к трудовым отношениям этот тезис развит в ст. 37 Конституции РФ, закрепляющей, что каждый имеет право на труд без дискриминации. Аналогичным образом ст. 39 Конституции РФ закрепляет право граждан на социальное обеспечение, не разделяя их по гендерному признаку. Как видим, применение всех обозначенных конституционных положений не связано с полом человека. Каждый в Российской Федерации имеет равные права на труд,

⁴ Мотрой А. Пенсионный возраст в разных странах мира: таблица // ППТ.РУ. URL: <https://ppt.ru/art/pensii/tablica-stran-mira>.

⁵ Закон Республики Армения от 30.12.2010 № ЗР-243 О государственных пенсиях // Законодательство стран СНГ: база данных. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=48961.

⁶ В Азербайджане повысили пенсионный возраст и ввели новые критерии по определению инвалидности // Информационный портал Media.az. URL: <https://media.az/society/azerbaydz-hane-povyysili-pensionnyy-vozrast-i-vveli-novye-kriterii-po-opredeleniyu-invalidnosti>.

⁷ Парламент Молдавии одобрил повышение пенсионного возраста до 63 лет // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13124961>.

⁸ Социальный кодекс Республики Казахстан от 20.04.2023 № 224-VII ЗРК // Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K2300000224#z3398>.

социальное обеспечение, в том числе на пенсионное обеспечение в виде государственных пенсий [8], независимо от того, осуществлялась трудовая функция в системе государственной службы или вне этой системы, так как «пенсионные права формируются, создаются до возникновения пенсионного правоотношения, в отношениях трудовых, служебных, предпринимательских и др., а сама пенсия является определенного рода итогом трудового пути человека» [9, с. 78].

Приобретение права на получение пенсии в системе страхового пенсионного обеспечения, в соответствии с законом о страховых пенсиях, предполагает обязательное наличие страхового (трудового) стажа и достижения возраста выхода на пенсию⁹. Соответственно, первым и основным условием, обуславливающим приобретение гражданином права на пенсионное обеспечение, выступает его трудовая деятельность, в процессе которой формируется его трудовой стаж. В настоящее время основным видом трудового стажа является страховой стаж [10], под которым п. 2 ст. 3 закона о страховых пенсиях понимает «учитываемую при определении права на страховую пенсию и ее размера суммарную продолжительность периодов работы и/или иной деятельности, за которые начислялись или выплачивались страховые взносы в Фонд пенсионного и социального страхования РФ, а также иные периоды, засчитываемые в страховой стаж». В соответствии с приложением 3 к данному закону, обязательный минимум страхового стажа для пенсионного обеспечения составляет 15 лет как для мужчин, так и для женщин. При этом начало и окончание стажа не связано ни с биологическим возрастом человека, ни с его полом, ни с какими-либо другими признаками – срок стажа определяется только отработанным трудовым временем. Наличие страхового стажа гарантирует в дальнейшем, при условии действительной утраты трудоспособности и невозможности дальнейшей активной трудовой деятельности, право на получение пенсионного обеспечения.

Учитывая, что право на труд по общему правилу может быть реализовано гражданином с 16-летнего возраста, получается, что уже к 31 году среднестатистический работник, находясь в трудоспособном возрасте, может получить необходимый для выхода на страховую пенсию стаж, в то время как право на социальное обеспечение возникнет у него только в нетрудоспособном возрасте или состоянии. Последнее положение социально оправдано и обуславливает необходимость второго обязательного условия для реализации права на страховую трудовую пенсию – достижение возраста старости. И если процесс формирования страхового стажа не учитывает гендерных различий, то предоставление права на социальное обеспечение происходит дифференцированно по гендерному (половому) признаку. В результате у женщины право выхода на трудовую пенсию возникает в 60 лет, а у мужчины – в 65 лет. В связи с обозначенным вызывает интерес обоснованность примененной дифференциации и ее соответствие принципу равноправия, отражающему справедливость права [11].

Критерии определения возраста выхода на пенсию

В современном обществе нетрудоспособность определяется достижением определенного возраста, который устанавливается законом с учетом политического, экономического и социального развития общества и является различным в разные исторические периоды жизнедеятельности государства. Как правило, этот возраст связан с неминуемым биологическим процессом старения человеческого организма. Закрепление в законе возрастных различий между мужским и женским полом при определении возраста выхода на пенсию придает данному положению законность, но является ли данный закон справедливым и обоснованным в современный период развития России – вопрос, который активно обсуждается не только в науке, но и в обществе.

В соответствии с законом женщины выходят на пенсию раньше мужчин на пять лет. Обстоятельства, обуславливающие более ранний выход женщин на пенсию, законом не обозначены, но на них указал Конституционный суд РФ в своем определении при рассмотрении жалобы на неконституционность ч. 1 ст. 8 закона о страховых пенсиях, устанавливающей данный критерий. Исходя из правовой позиции, выраженной судом, основанием дифференциации являются «физиологические различия между мужчиной и женщиной, большая подверженность женского организма неблагоприятным производственным факторам, а также особая социальная роль женщины в обществе»¹⁰.

Действительно, принцип равенства «не исключает дифференциацию в объеме и порядке предоставления гарантированных благ» [12, с. 177] наиболее незащищенным слоям общества. Не будем оспаривать то, что физиологические особенности мужчин и женщин различны, особенно когда речь идет о репродуктивной функции женщины, которая, безусловно, должна вызывать особое, более бережное отношение к женщинам со стороны государства. Однако могут ли данные факторы быть решающими для отступления от принципа равноправия при определении возраста выхода на пенсию? Признать правильность данного суждения мешают следующие обстоятельства.

Во-первых, репродуктивная функция женщины является отдельным, особо охраняемым объектом правового регулирования со стороны государства. В частности, компенсируя физиологические потери и социальные ограничения, вызванные беременностью и рождением ребенка, законодательство РФ предусматривает для женщин ряд льгот, прав и привилегий на период беременности и ухода за ребенком. Например, отпуск по беременности и родам продолжительностью 140 календарных дней, срок которого может быть увеличен при обстоятельствах, предусмотренных законом (ст. 255 Трудового кодекса РФ). По понятным причинам мужчины таких льгот не имеют. Однако и не все женщины пользуются данными правами, а только те,

⁹ Федеральный закон «О страховых пенсиях» от 28.12.2013 № 400-ФЗ (редакция от 29.05.2024).

¹⁰ Определение Конституционного суда РФ от 19.12.2017 № 2914-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Рязанова Н.Г. на нарушение его конституционных прав ч. 1 ст. 8 ФЗ "О страховых пенсиях"». URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision308708.pdf>.

которые становятся матерями. Примененный здесь целевой подход к предоставлению льгот и привилегий действительно необходим и приводит к желаемым результатам.

Во-вторых, после рождения ребенка матери имеют право на отпуск по уходу за ним на основании ст. 256 Трудового кодекса РФ; право на дополнительные меры государственной поддержки в соответствии с ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и другие права. Здесь следует отметить, что государственные льготы и гарантии, связанные с воспитанием и уходом за ребенком, распространяются не только на женщин, но в равной мере и на мужчин (ст. 256 Трудового кодекса РФ), что стирает между полами какие-либо различия в уходе и воспитании детей. На этом фоне наблюдается перераспределение социальных ролей между мужчинами и женщинами. Ситуации, когда отец вместо матери занимается уходом и воспитанием детей, становятся все более распространенными. Это направление поддерживается государством, принимающим соответствующие новеллы в законодательстве, нивелирующие различия между полами, например возможность получения отцом материнского капитала (ст. 3 Закона «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей»). Описанные изменения сглаживают различия между социальными ролями мужчин и женщин и создают условия для более гибкого регулирования в области семейного воспитания и трудовой деятельности.

В-третьих, не все женщины планируют или способны реализовать себя в качестве матерей. Число женщин, категорически не желающих иметь детей, по данным Росстата, с 2017 по 2022 г. выросло с 2 до 2,41 %¹¹. Определенное влияние на данные показатели оказала пришедшая в Россию с Запада идеология чайлдфри, формирующая сознательное желание женщин не иметь детей. Сегодня государство обозначило эту проблему и пытается ее решать посредством разработки и принятия законов, запрещающих данное движение¹². Но если нетрадиционную для России субкультуру можно запретить, то неспособность женщины быть матерью по физиологическим, медицинским или иным объективным причинам вряд ли можно устранить правовыми предписаниями. Следовательно, всегда будет какая-то часть женщин, не выполняющих материнскую функцию и, соответственно, не отличающихся в этом отношении от мужчин.

Как видим, современный образ жизни стирает социальные различия между мужчинами и женщинами, устанавливая действительное равенство между ними во всех сферах общественной жизни, за исключением той, где женщина реализует себя в материнстве и нуждается, в отличие от мужчины, в специальной государственной поддержке и защите. Однако, чтобы такая поддержка была действительно социально справедливой и обеспечивала конституционный принцип равноправия мужчин и женщин, необходимо создавать благо-

приятный режим выхода на пенсию именно для женщин-матерей, и не за счет более раннего по сравнению с мужчинами выхода на пенсию, а посредством установления в законе правил о включении периодов времени, связанных с рождением детей, уходом за ними и воспитанием до подросткового возраста, в трудовой страховой стаж женщины-матери.

Каждый рожденный ребенок может и должен прибавлять к страховому стажу работавшей или неработавшей женщины определенное количество лет, которые, в свою очередь, будут определять размер ее пенсии. В идеале многодетные матери должны получить право на пенсию даже при полном отсутствии трудового стажа, лишь на основании факта рождения, например, не менее 8 детей и их воспитания до возраста 14 лет. Такой подход полностью соответствует национальному проекту «Демография», предусматривающему поддержку семей с детьми, и кроме того, позволяет предоставлять аналогичные права отцам, посвятившим себя воспитанию малолетних детей. Справедливо, если выполняемая отцами вместо матери функция ухода и воспитания детей будет также включаться в страховой стаж.

Включение в страховой стаж женщины периодов, связанных с рождением и воспитанием ребенка, позволит ей, с одной стороны, рожать и воспитывать детей, не думая об обязательности трудоустройства, а с другой – гарантирует достойное пенсионное обеспечение в старости, независимо от наличия у нее трудового стажа. Целесообразно также сохранить действующую норму о возможности досрочного выхода на пенсию многодетным матерям, имеющим трех детей – на три года раньше 60-летнего возраста, имеющим четырех детей – на четыре года и т. д. Мы полагаем, что для женщин такой порядок исчисления страхового стажа будет более привлекательным и удобным, независимо от того, в каком возрасте предоставляется право выхода на пенсию.

Соотношение возраста выхода на пенсию и возраста старости

Старость как юридическое понятие неизвестно нашему законодательству, хотя этот термин активно используется при регулировании пенсионных отношений. Очевидно, что мужчина и женщина в конце своей жизни достигают этапа, известного как «старость», характеризуемого частичной или полной потерей трудоспособности. Логично, что с началом старости пожилой человек выходит на пенсию. Именно поэтому в правовой науке возраст выхода на пенсию отождествляется с возрастом старости.

В общепризнанном понимании старость – это временной период жизни человека, имеющий свое начало и окончание. В России расчетный период старости установлен для накопительной части пенсии¹³ и применяется одинаково к обоим полам: в 2024 г. этот период составляет 264 месяца, или 22 года. Принимая данный закон, государство исходит из того, что после достижения возраста старости (женщинами – в 60 лет, мужчинами – в 65 лет) пожилой человек проживает еще в среднем 22 года до окончания старости, т. е. до смерти.

¹¹ Как за пять лет изменилось желание россиянок иметь детей // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/23/03/2023/641985c39a794773887481bd?from=newsfeed>.

¹² Интерфакс: Матвиенко выступила против нарушения прав женщин, которые не хотят иметь детей // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/982802>.

¹³ ФЗ «Об ожидаемом периоде выплаты накопительной пенсии на 2024 год» от 27.11.2023 № 551-ФЗ.

Чтобы оценить правильность положенного в основу закона прогноза и справедливость законодательных предписаний, достаточно проанализировать данные о продолжительности жизни среднестатистического человека в России. В 2022 г. этот показатель составлял чуть более 72 лет¹⁴. Отнимая от этой цифры период старости, равный 22 годам, можно определить возраст прогнозируемого начала старости среднестатистического гражданина РФ – чуть более 50 лет. Очевидно, что данная цифра сильно расходится с законодательно установленным возрастом выхода на пенсию как мужчин, так и женщин.

Для объективности рассмотрим аналогичные показатели отдельно для мужчин и женщин: в 2022 г. продолжительность жизни женщин составила почти 77,8 года, мужчин – 67,6 года. С учетом продолжительности расчетного периода старости, равного 22 годам, получается, что мужчины должны выходить на пенсию в 45 лет, а женщины – в 55 лет. Полученные результаты несопоставимы с законодательно установленным возрастом выхода на пенсию по старости ни для мужчин, ни для женщин. Но если для женщин выявленная разница не так существенна, то для мужчин она кардинальна: время фактической старости мужчин чуть больше 2 лет, что в 10 раз меньше законодательно предполагаемых 22 лет.

Если к 30 годам жизни соотношение мужчин и женщин в России примерно одинаковое – на 1000 мужчин приходится 1014 женщин, то к 65 годам из-за низкой продолжительности жизни мужчин соотношение мужского и женского населения кардинально меняется: на 1000 мужчин – 1519 женщин¹⁵. По подсчетам экономистов, только 48 % мужчин перешагивают возрастной рубеж в 65 лет¹⁶. Комментируя пенсионную реформу 2018 г., академик РАО, первый заместитель председателя Комитета Государственной Думы РФ по образованию и науке О.Н. Смолин отметил, что данный «закон предполагает "ликвидацию как класса" почти половины пенсионеров-мужчин и до пятой части пенсионерок-женщин» [13, с. 51]. И этому есть объективные причины. Как поясняет профессор геронтологии В. Шабалин, «мужчины по своей природе – спринтеры, а женщины – стайеры. У мужчин все метаболические процессы проходят на 20 процентов быстрее, поэтому они просто сгорают, не успев даже достичь тех физических элементов старости, которых достигает женщина»¹⁷. Если повышение возраста выхода на пенсию для мужчин до 65 лет и решает в краткосрочной перспективе текущие проблемы дефицита трудовых кадров и финансовые проблемы Пенсионного фонда, о чем говорят отдельные ученые [14], то в дальнейшем это может стать причиной «увеличения расходов государственных внебюджетных фондов, связанных с временной или стой-

кой утратой гражданами трудоспособности до возникновения права на пенсию по старости» [15, с. 149].

Вызывает озабоченность тот факт, что данные обстоятельства не были в полной мере учтены законодателем при принятии в 2018 г. закона о повышении пенсионного возраста, доказательством чего является отсутствие в законе «действенных мер антидискриминационной защиты и специального регулирования труда лиц с пониженной трудоспособностью в связи с возрастом и хроническими заболеваниями» [7, с. 153]. В результате возникла ситуация, когда фактический возраст старости, в первую очередь мужчин, кардинально не совпадает с законодательно установленным возрастом выхода на пенсию, что, на наш взгляд, является серьезной проблемой государственного масштаба, требующей первоочередного решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Равенство граждан в пенсионном обеспечении, независимо от их пола, является важным фактором для развития цивилизованного государства и необходимым шагом для защиты социальных прав и свобод граждан. Выявленный дисбаланс в соотношении законодательно установленного возраста выхода на пенсию мужчин и женщин (65 и 60 лет соответственно) и фактического возраста смерти среднестатистического мужчины и женщины (67 и 77 лет соответственно) может быть нивелирован уравниванием пенсионного возраста для обоих полов, что, на наш взгляд, представляется логичным, справедливым и гуманным. Однако в отличие от стран, имеющих опыт унификации возрастного порога старости посредством повышения возраста женщин до возраста мужчин, мы с учетом современного состояния российского общества предлагаем иное решение – снижение возраста старости (возраста выхода на пенсию) для мужчин до 60 лет, уравнив его с возрастом выхода на пенсию женщин.

Установление единого 60-летнего порога выхода на пенсию для мужчин и женщин – это мера, которая позволит в среднесрочной перспективе развития России создать условия для исполнения государством своих обязательств по социальному обеспечению граждан мужского пола, что, безусловно, повлияет на увеличение продолжительности их жизни, которая на сегодняшний день, по данным Росстата, вызывает серьезную озабоченность. В дальнейшем, с решением демографических проблем и повышением продолжительности жизни, можно еще раз вернуться к пересмотру унифицированного возраста старости в сторону его увеличения для обоих полов.

Сохранение дифференциации в возрасте старости (выхода на пенсию) мужчин и женщин – анахронизм, не соответствующий современным реалиям. Ссылаясь на особую роль женщины и, как следствие, на необходимость сохранения разного возраста выхода на пенсию, мы препятствуем действительной защите трудовых и социальных прав не только мужчин, но и женщин. Физиологические особенности женщины и ее социальная роль в обществе будут находиться в большей правовой и государственной защите, если законодательно включать в страховой стаж женщины время, связанное с рождением и воспитанием детей, независимо

¹⁴ Демография // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781>.

¹⁵ См. 14.

¹⁶ Самохвалов И. В России более половины мужчин не доживают до 65 лет // Парламентская газета. URL: <https://dzen.ru/a/ZB2K1RX2my3H-f0Z>.

¹⁷ Шабалин В. Почему женщины стареют быстрее мужчин // Утро.ру. URL: <https://utro.ru/articles/2014/05/23/1196844.shtml>.

от наличия у нее предшествующих трудовых отношений и страхового стажа, а многодетным матерям, воспитавшим 8 и более детей, гарантировать наличие страхового стажа, достаточного для назначения страховой пенсии, при полном отсутствии трудовой деятельности. В таких мерах государственной поддержки и будет проявляться особая забота государства о женщинах. Эти меры станут достойной заменой действующего правового регулирования, позволяющего женщинам ощущать свою значимость и особую роль в обществе только потому, что они уходят на пенсию на 5 лет раньше мужчин.

Предлагаемые изменения в законодательстве значимы не только для обеспечения равных возможностей на рынке труда в соответствии с новыми социально-экономическими реалиями, но и для обеспечения социальной справедливости в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Азарова Е.Г. Досрочное пенсионное обеспечение застрахованных лиц с семейными обязанностями // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 97–112. DOI: [10.12737/jrl.2020.135](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.135).
2. Зуева Н.Л. Пробелы и коллизии пенсионного законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1. С. 119–128. DOI: [10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3291](https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3291).
3. Шугаева И.В. Экспертный взгляд по вопросу повышения пенсионного возраста в России // Ученые заметки ТОГУ. 2018. Т. 9. № 4. С. 392–396. EDN: [YYHNQT](https://www.edn.ru/yynhqt).
4. Рощепко Н.В. Правовое регулирование социально-страховых отношений: единство публичных и частных начал. М.: Юстицинформ, 2021. 388 с.
5. Захаров М.Л., Воронин Ю.В. Социальное обеспечение: настоящее и будущее. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2017. 284 с.
6. Роик В.Д. Социально-трудовые и социально-страховые методы определения возраста выхода на пенсию // ЭКО. 2015. № 6. С. 93–108. EDN: [TSOAOT](https://www.edn.ru/tsoaot).
7. Агашев Д.В. Проблемы установления отдельных юридических фактов, определяющих право на страховую пенсию по возрасту // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 35. С. 141–154. DOI: [10.17223/22253513/35/12](https://doi.org/10.17223/22253513/35/12).
8. Винокуров В.А. Рассуждения о понятиях «пенсия», «государственная пенсия» и о праве человека и гражданина на государственную пенсию в Российской Федерации // Экономика. Социология. Право. 2022. № 4. С. 94–101. EDN: [RUGYDP](https://www.edn.ru/rugydp).
9. Маматказин И.Р. Правовые системы и функциональные эквиваленты в праве социального обеспечения // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2022. Т. 17. № 2. С. 75–98. DOI: [10.35427/2073-4522-2022-17-2-mamatkazin](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-2-mamatkazin).
10. Меринова В.Н. Виды трудового стажа и его юридическое значение // ГлаголЪ правосудия. 2023. № 4. С. 29–35. EDN: [AXNOOL](https://www.edn.ru/axnool).
11. Зуева Н.Л. Пробелы и коллизии пенсионного законодательства // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2021. № 1. С. 119–128. DOI: [10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3291](https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3291).
12. Дзгоева Ф.О. Справедливость дифференциации пенсионного обеспечения медицинских работников (на основе судебной практики) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2024. № 2. С. 173–183. DOI: [10.17803/2311-5998.2024.114.2.173-183](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.114.2.173-183).
13. Смолин О.Н. Закон против всех? Еще раз о социальных и экономических последствиях повышения пенсионного возраста в России // Вопросы политической экономии. 2019. № 2. С. 47–57. EDN: [LCEQRPJ](https://www.edn.ru/lceqrpj).
14. Вафин Э.Я. Прогноз численности получателей страховой пенсии в условиях действующего законодательства, предусматривающего повышение пенсионного возраста и старого законодательства без повышения пенсионного возраста в Республике Татарстан на период до 2036 года // Московский экономический журнал. 2021. № 9. С. 40–45. EDN: [VBNLZO](https://www.edn.ru/vbnlzo).
15. Гирич Е.А. Повышение пенсионного возраста как один из этапов реформирования пенсионной системы Российской Федерации // Власть закона. 2022. № 3. С. 144–150. EDN: [VDYCLZ](https://www.edn.ru/vdyclz).
16. Зайцева А.В., Курсова О.А., Хильчук Е.Л. Обоснованность и последствия повышения пенсионного возраста // Российский юридический журнал. 2019. № 2. С. 144–155. EDN: [OPYNBA](https://www.edn.ru/opynba).

REFERENCES

1. Azarova E.G. Early retirement benefits for insured persons with family responsibilities. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2020, no. 11, pp. 97–112. DOI: [10.12737/jrl.2020.135](https://doi.org/10.12737/jrl.2020.135).
2. Zueva N.L. Legal gaps and conflicts of pension legislation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2021, no. 1, pp. 119–128. DOI: [10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3291](https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3291).
3. Shugaeva I.V. Expert opinion on the issue of raising the retirement age in Russia. *Uchenye zametki TOGU*, 2018, vol. 9, no. 4, pp. 392–396. EDN: [YYHNQT](https://www.edn.ru/yynhqt).
4. Roshchepko N.V. *Pravovoe regulirovanie sotsialno-strakhovykh otноsheniy: edinstvo publichnykh i chastnykh nachal* [Legal regulation of social insurance relations: the unity of public and private principles]. Moscow, Yustitsinform Publ., 2021. 388 p.
5. Zakharov M.L., Voronin Yu.V. *Sotsialnoe obespechenie: nastoyashchee i budushchee* [Social security: present and future]. Moscow, NITs INFRA-M Publ., 2017. 284 p.
6. Roik V.D. Social-labour and social-insurance methods for retirement age. *EKO*, 2015, no. 6, pp. 93–108. EDN: [TSOAOT](https://www.edn.ru/tsoaot).
7. Agashev D.V. Problems of establishing separate legal facts, which determine the right to an insurance old-age pension. *Tomsk State University Journal of law*, 2020, no. 35, pp. 141–154. DOI: [10.17223/22253513/35/12](https://doi.org/10.17223/22253513/35/12).
8. Vinokurov V.A. Reasoning about the concepts of “pension”, “state pension” and about the right of a person and a citizen to a state pension in the Russian Federation. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*, 2022, no. 4, pp. 94–101. EDN: [RUGYDP](https://www.edn.ru/rugydp).
9. Mamatkazin I.R. Systems of law and functional equivalents in social security law. *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiyskoy akademii nauk*, 2022, vol. 17, no. 2,

- pp. 75–98. DOI: [10.35427/2073-4522-2022-17-2-mamatkazin](https://doi.org/10.35427/2073-4522-2022-17-2-mamatkazin).
10. Merinova V.N. Types of work experience and its legal significance. *Glagol pravosudiya*, 2023, no. 4, pp. 29–35. EDN: [AXNOOL](#).
 11. Zueva N.L. Legal gaps and conflicts of pension legislation. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*, 2021, no. 1, pp. 119–128. DOI: [10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3291](https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.1/3291).
 12. Dzgoeva F.O. Fairness of differentiation of pension provision for medical workers (based on judicial practice). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2024, no. 2, pp. 173–183. DOI: [10.17803/2311-5998.2024.114.2.173-183](https://doi.org/10.17803/2311-5998.2024.114.2.173-183).
 13. Smolin O.N. The law is against everyone? Once again, on the social and economic consequences of raising the retirement age in Russia. *Voprosy politicheskoy ekonomii*, 2019, no. 2, pp. 47–57. EDN: [LCEQPJ](#).
 14. Vafin E.Ya. The forecast of the number of recipients of the insurance pension under the current legislation providing for an increase in the retirement age and the old legislation without raising the retirement age in the Republic of Tatarstan for the period up to 2036. *Moskovskiy ekonomicheskij zhurnal*, 2021, no. 9, pp. 40–45. EDN: [VBNLZO](#).
 15. Girich E.A. Raising the retirement age as one of the stages of reforming the pension system of the Russian Federation. *Vlast zakona*, 2022, no. 3, pp. 144–150. EDN: [VDYCLZ](#).
 16. Zaytseva A.V., Kursova O.A., Khilchuk E.L. Validity and consequences of increasing the retirement age. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, 2019, no. 2, pp. 144–155. EDN: [OPYNBA](#).

Equality and justice as the basis for unification of the right of citizens for an insurance labor pension

© 2024

Svetlana I. Verшинina^{*1}, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Director of the Institute of Law
Roman O. Kozhevnikov, student of the Institute of Law

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

*E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3501-3632>

Received 23.07.2024

Accepted 26.08.2024

Abstract: The differentiation of the right of citizens of the Russian Federation for an insurance labor pension by gender provided for by the current legislation raises questions in civil society due to the discrepancy between the norms fixing different retirement ages for men and women, the principle of equality guaranteed by the Constitution of the Russian Federation, and ensuring social justice in society. One of the reasons is that a significant proportion of men do not live to the 65-year retirement age fixed by law. Analyzing the current legal norms and comparing them with statistical data and the results of law enforcement indicating a clearly unfair standardization of these relations, the authors offer their own vision of solving the existing problems. The authors substantiate the conclusion on the necessity to unify the right of citizens for an insurance pension by establishing a common retirement age of 60 years for men and women for the period of solving the main demographic problems in the state and creating conditions for increasing life expectancy. At the same time, emphasizing the special role of women, the authors propose to include legislatively the time associated with the birth and upbringing of children in a woman's insurance experience, regardless of whether a woman had previous employment relationships and insurance experience. It should be done to create a favorable regime for the formation of women's insurance experience and ensure formal equality with men.

Keywords: insurance labor pension; insurance pension provision; principle of equality; justice of law; differentiation of pension rights; unification of pension rights; pension insurance record; insurance pension; retirement age; social justice.

For citation: Verшинina S.I., Kozhevnikov R.O. Equality and justice as the basis for unification of the right of citizens for an insurance labor pension. *Jus strictum*, 2024, no. 3, pp. 5–11. DOI: [10.18323/3034-2945-2024-3-58-1](https://doi.org/10.18323/3034-2945-2024-3-58-1).

Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве

© 2024

Корчагина Кристина Александровна, старший преподаватель кафедры «Уголовное право и процесс»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-1173>

Поступила в редакцию 09.08.2024

Принята к публикации 13.09.2024

Аннотация: В современной уголовно-процессуальной науке не вызывает сомнений тот факт, что прокурор и подчиненные ему сотрудники прокуратуры являются участниками уголовного судопроизводства. Отдельные дискуссии возникают лишь при обсуждении вопроса об отнесении прокурора к стороне обвинения. Вместе с тем роль и функции должностных лиц органов прокуратуры в производстве по уголовным делам не так очевидны и однозначны. Хотя ч. 1 ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ закрепляет за прокурором функции надзора и уголовного преследования, не всегда руководители органов прокуратуры и подчиненные им сотрудники преследуют данные цели и не всегда должностные лица органов прокуратуры действуют в статусе прокурора или государственного обвинителя. Анализируя действующие нормы уголовно-процессуального законодательства и сопоставляя их с фактической правосубъектностью прокурорских сотрудников, вступающих в отношения с участниками уголовного судопроизводства, автор обосновывает вывод о необходимости разграничения двух принципиально различных правовых статусов должностных лиц органов прокуратуры: 1) должностной статус прокурора как руководителя органа прокуратуры, позволяющий ему осуществлять государственно-властные полномочия по надзору за органами предварительного расследования без принятия дополнительного процессуального статуса участника судопроизводства; 2) уголовно-процессуальный статус, приобретаемый должностным лицом органа прокуратуры, в т. ч. прокурором, на определенный период (этап, стадию) уголовного судопроизводства с целью осуществления одной из двух процессуальных функций – уголовного преследования (приобретает статус государственного обвинителя) либо правоохраны, защиты интересов человека, общества и государства (приобретает статус иного прокурора или представителя прокурора).

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; правовой статус; правосубъектность; прокурор; государственный обвинитель; иной прокурор; вышестоящий прокурор.

Для цитирования: Корчагина К.А. Правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве // Jus strictum. 2024. № 3. С. 12–19. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-2.

ВВЕДЕНИЕ

Должностные лица органов прокуратуры являются активными участниками уголовного судопроизводства, что свидетельствует о наличии у них процессуальной правосубъектности. Включив прокурора как руководителя органа прокуратуры в группу участников стороны обвинения, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) закрепил за ним два процессуальных статуса – прокурора и государственного обвинителя, и две процессуальные функции – надзора и уголовного преследования. Наличие указанных процессуальных статусов и функций признается большинством ученых, занимающихся данной проблематикой [1–4].

Наряду с этим в процессуальной науке высказано обоснованное мнение о выполнении прокурором иных процессуальных функций [5–7], а также о «появлении в уголовном процессе "новых", неизвестных действующему УПК РФ участников от органов прокуратуры, процессуальный статус которых выходит за рамки статуса прокурора и государственного обвинителя» [8]. В качестве таких новых участников авторы [8] называют вышестоящего прокурора и «иных прокуроров», осуществляющих свои полномочия в судебных заседаниях, не связанных с рассмотрением уголовного дела по су-

ществу обвинения, в связи с чем выделяют две подгруппы участников от органов прокуратуры, действующих в каждой части судопроизводства: в досудебном производстве – вышестоящий прокурор, прокурор и иной прокурор; в судебном производстве – прокурор и гособвинитель.

Действительно, обозначенные УПК РФ процессуальные статусы «прокурор» и «гособвинитель» не могут применяться к должностным лицам органов прокуратуры в отношениях, возникающих при судебном рассмотрении жалоб и ходатайств в порядке ст. 108, 125, 165 УПК РФ, в стадиях предварительного расследования и исполнения судебных решений. Не только закон предусматривает участие прокурора в указанных судебных заседаниях – ведомственные акты Генерального прокурора РФ также обязывают прокурора в них участвовать. Проблема в том, что ни УПК РФ, ни приказы Генерального прокурора не акцентируют внимания на вопросе, какие именно задачи решает прокурор в данных судебных заседаниях и какие функции он выполняет. Сложилась ситуация, при которой должностные лица органов прокуратуры вступают в судебное заседание в досудебном производстве либо в стадии исполнения приговора, не имея легального оформления своей правосубъектности.

Автором были поставлены следующие задачи:

1) проанализировать правовые основания правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве;

2) выявить и систематизировать существующие процессуальные статусы прокуроров в зависимости от выполняемых ими функций;

3) определить различия между должностной правосубъектностью прокуроров и их уголовно-процессуальной правосубъектностью;

4) разработать предложения по нормативно-правовому разграничению статусов прокурора и государственного обвинителя;

5) оценить необходимость введения новых процессуальных статусов для должностных лиц органов прокуратуры в законодательство.

Цель исследования – теоретико-правовой анализ правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Предметом данного исследования являются правовые нормы, которые определяют правосубъектность должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве, а именно правовой статус прокуроров и иных сотрудников прокуратуры на различных стадиях уголовного процесса.

Для исследования правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве был использован комплексный правовой анализ, включающий изучение нормативно-правовых актов и судебной практики, а также сравнительный анализ теоретических и практических подходов к данной проблематике. Исследование проводилось в несколько этапов:

1) анализ нормативных актов и уголовно-процессуальных норм. Были изучены основные положения УПК РФ, регулирующие процессуальный статус прокуроров и иных должностных лиц органов прокуратуры. Особое внимание было уделено положениям ст. 37 и 5 УПК РФ, касающимся правосубъектности прокурора на различных стадиях уголовного процесса;

2) сравнение теоретических и практических подходов. Исследовалась научная литература, посвященная процессуальным статусам должностных лиц прокуратуры. Проведен критический анализ теорий, представленных в научных работах (например, касающихся функций прокурора как обвинителя и надзирающего органа). Теоретические выводы были сопоставлены с действующим уголовно-процессуальным законодательством и судебной практикой;

3) определение правовых статусов должностных лиц органов прокуратуры. На основе анализа были выделены два ключевых правовых статуса: а) должностной статус прокурора как руководителя органа прокуратуры; б) уголовно-процессуальный статус, приобретенный на определенном этапе уголовного судопроизводства;

4) выявление функциональных различий. В ходе исследования были определены различия между процессуальными функциями, выполняемыми должностными лицами прокуратуры на различных стадиях уголовного судопроизводства. Эти различия были выявлены на основе анализа судебных актов и решений, принятых органами прокуратуры.

На каждом из этапов исследования анализировались действующие нормативно-правовые акты, проводилось сопоставление теоретических положений с реальной практикой, давалась оценка эффективности существующей системы регулирования правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Уголовно-процессуальный статус прокурора

Правовым основанием появления прокурора в качестве субъекта уголовно-процессуального права выступает ст. 37 УПК РФ, определяющая его как участника стороны обвинения, реализующего две процессуальные функции – уголовное преследование и процессуальный надзор за деятельностью органов расследования. Однако, определяя должностных лиц, уполномоченных на получение процессуального статуса прокурора, законодатель допускает противоречия, обозначая в ч. 5 ст. 37 УПК РФ, что процессуальный статус прокурора получают руководители органов прокуратуры и их заместители (назовем их «прокуроры-руководители»), а в п. 31 ст. 5 УПК РФ в качестве прокурора рассматриваются «иные должностные лица органов прокуратуры, участвующие в уголовном судопроизводстве и наделенные соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре»¹ (назовем их «должностные лица органов прокуратуры»).

В последнем случае участие иных должностных лиц органов прокуратуры в уголовно-процессуальных отношениях в статусе прокурора, происходящее на основании Федерального закона № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – ФЗ «О прокуратуре»), явно противоречит ч. 1 ст. 1 УПК РФ, закрепляющей, что «порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации устанавливается настоящим Кодексом, основанным на Конституции Российской Федерации». Кроме того, расширительное толкование статуса «прокурор», а именно придание всем должностным лицам органов прокуратуры единых полномочий, предусмотренных ст. 37 УПК РФ, нивелирует функциональные различия в деятельности прокурора на разных стадиях судопроизводства и делает этого участника малопонятным для других субъектов уголовного процесса.

Из ст. 37 УПК РФ, определяющей прокурора как руководителя органа прокуратуры, очевидно, что именно на него возлагается функция надзора за деятельностью органов предварительного расследования. Но является ли данная функция прокурора уголовно-процессуальной, или она имеет иную правовую природу? В соответствии с Конституцией РФ и ФЗ «О прокуратуре» каждый вид прокурорского надзора характеризуется обособленной государственно-властной деятельностью, и все виды надзорной деятельности, в т. ч. надзор за органами расследования, направлены на достижение единой конституционно значимой цели – обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, защиты прав и свобод человека и гражданина, а также

¹ Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 29.05.2024) «О прокуратуре Российской Федерации».

охраняемых законом интересов общества и государства в той или иной сфере деятельности (ст. 129 Конституции РФ и ст. 1 ФЗ «О прокуратуре»). Универсальность и значимость прокурорского надзора показывают его самостоятельный, надотраслевой характер и доминирующее положение в отношениях с любыми поднадзорными органами, в т. ч. с органами предварительного расследования [9].

Надзирающий прокурор предметно и организационно дистанцирован от любого поднадзорного субъекта и осуществляемой им деятельности, и в этом качестве находится за пределами отраслевой поднадзорной сферы. Надзор прокурора – это всегда «взгляд со стороны» на деятельность поднадзорного субъекта с точки зрения соответствия ее действующему федеральному законодательству. Такой подход в организации прокурорского надзора придает объективность и непредвзятость прокурорской проверке. Следовательно, если предварительное расследование как процессуальная деятельность составляет предмет прокурорского надзора, то осуществляемый прокурором надзор не может составлять содержание этой же процессуальной деятельности. Прокурорский надзор внепроцессуален, так как исходит от прокурора, находящегося за рамками досудебного уголовного производства. В этом смысле функция прокурора по надзору за деятельностью органов предварительного расследования не является уголовно-процессуальной, а имеет межотраслевой государственно-властный характер. Именно поэтому прокурор для ее осуществления использует свой должностной статус прокурора, закрепленный ФЗ «О прокуратуре».

По другим видам надзора ситуация аналогична. Так, не относится к оперативно-розыскной деятельности надзор прокурора за деятельностью органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а надзор прокурора за деятельностью муниципальных или исполнительных органов власти не позволяет относить прокурорскую деятельность к муниципальной или исполнительно-властной. Не случайно с середины XX в. ученые указывали на правовую обособленность надзора, выделив в системе права отдельную отрасль прокурорского надзора, предмет которой составили особые государственно-властные отношения, возникающие при организации и деятельности прокуратуры [10; 11]. Такие отношения, как верно отмечено в работе [12], по своей природе являются отношениями политической организации общества, что принципиально расходится с правовой природой уголовно-процессуальных отношений.

Следующий аргумент, подтверждающий вывод о надотраслевом статусе прокурора, заключается в том, что прокурору для осуществления надзора за деятельностью органов предварительного расследования не требуется получения дополнительного отраслевого (правового либо процессуального) статуса. Полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве производны от замещаемой им должностной руководителя органа прокуратуры и охватываются его должностной правосубъектностью. Можно сказать, что должностная правосубъектность прокурора-руководителя заменяет его процессуальную правосубъектность. Именно поэтому в УПК РФ отсутствуют основания как для получения прокурором процессуального статуса, так и для его прекращения. Соответственно, прокурор, осуществ-

ляющий надзор за процессуальной деятельностью органов расследования, выступает не как участник уголовного судопроизводства (субъект уголовно-процессуального права), а как должностное лицо, обладающее государственно-властными и организационно-распорядительными полномочиями в отношении любого поднадзорного субъекта, действующего в уголовном досудебном производстве.

Участие прокурора в качестве надзирающего субъекта в отношениях с органами расследования обеспечивается его должностной правосубъектностью и территориальной юрисдикцией, которые постоянны и универсальны в течение всего срока замещения должности прокурора. В этом смысле ст. 37 УПК РФ «Прокурор» в части надзорных полномочий прокурора должна быть выведена за пределы гл. 6 УПК РФ «Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения» и переименована в «Полномочия надзирающего прокурора», что раскрывало бы функциональную направленность деятельности прокурора в уголовном процессе в соответствии со ст. 129 Конституции РФ и ст. 29 и 30 ФЗ «О прокуратуре».

Сегодня прокурорский надзор – «базовая и профильная функция» современной российской прокуратуры [13], имеющая конституционно-правовое признание, а после конституционных изменений 2020 г. и важное политическое значение, что отмечается в работах авторитетных ученых: «Прокуратура РФ фактически стала инструментом так называемой "президентской власти"» [14]. В таком качестве роль прокурора значима и равноценна во всех сферах общественной жизни, в т. ч. в части надзора за органами предварительного расследования.

Помимо надзора за деятельностью органов расследования, на прокурора-руководителя в соответствии с ч. 1 ст. 21 и ст. 37 УПК РФ возложена функция уголовного преследования (обвинения). Допускаемые законодателем терминологические различия в использовании понятий «обвинение» и «уголовное преследование» вносят путаницу не только в функциональную характеристику уголовного процесса, но и в содержание процессуальных статусов субъектов уголовно-процессуального права, осуществляющих обвинительную деятельность. Тем не менее, в отличие от прокурорского надзора, функция обвинения или уголовного преследования осуществляется любым должностным лицом органа прокуратуры, в т. ч. прокурором-руководителем, получающим статус государственного обвинителя [15].

Проблемы процессуального статуса государственного обвинителя

Государственный обвинитель обозначен в п. 6 ст. 5 УПК РФ как «поддерживающее от имени государства обвинение в суде по уголовному делу должностное лицо органа прокуратуры», что показывает его особый статус и характеризует в качестве участника уголовного судопроизводства и субъекта уголовно-процессуального права. Наименование данного лица «государственный обвинитель» и сфера его деятельности уникальны в том смысле, что как субъект права он существует только в рамках уголовно-процессуальных отношений, хотя должностной статус сотрудника органа прокуратуры действует и вне рамок уголовного судопроизводства. В связи с этим можно сделать вывод, что статус

государственного обвинителя является для должностного лица органа прокуратуры временным, приобретаемым исключительно для осуществления функции уголовного преследования (обвинения) по конкретному уголовному делу.

Учитывая, что реализация обвинительной функции требует значительных кадровых ресурсов, законодатель в п. 6 ст. 5 УПК РФ закрепил широкий круг должностных лиц органов прокуратуры, уполномоченных на получение уголовно-процессуального статуса государственного обвинителя. Проблема, однако, в том, что эти же должностные лица указываются в п. 31 ст. 5 УПК РФ, но уже в статусе «прокурора», вступая тем самым в противоречие со ст. 37 УПК РФ. Такая двойственность в наименовании государственных обвинителей привела к тому, что в тексте УПК РФ вместо государственного обвинителя довольно часто можно встретить термин «прокурор» (например, в ст. 246 УПК РФ). Прокурор, как и другое должностное лицо органа прокуратуры, при осуществлении полномочий государственного обвинителя теряет свои государственно-властные полномочия и участвует в судебном заседании в условиях состязательности и равноправия со стороной защиты. Это означает, что при поддержании государственного обвинения в судебном разбирательстве уголовного дела публичного и частно-публичного обвинения, процессуальная правосубъектность государственного обвинителя поглощает его должностную правосубъектность.

Несмотря на значимость государственного обвинителя в достижении целей уголовного судопроизводства [16], правовое оформление его процессуального статуса в УПК РФ вызывает ряд вопросов.

Первая проблема вызвана отсутствием в УПК РФ законодательно установленных оснований и порядка приобретения статуса государственного обвинителя, наличие которых обязательно, если учитывать временный характер данного статуса. В УПК РФ закрепляется лишь обязательное участие государственного обвинителя в судебном разбирательстве (ч. 2 ст. 246), что позволяет сделать вывод о том, что деятельность государственного обвинителя ограничивается исключительно рамками судебного разбирательства, при этом под судебным разбирательством согласно п. 51 ст. 5 УПК РФ понимаются «судебные заседания судов первой, второй, кассационной и надзорной инстанций». Государственный обвинитель вступает в уголовный процесс в начале судебного разбирательства уголовного дела в первой инстанции, а если быть точнее – в подготовительной части судебного заседания, так как согласно ч. 1 ст. 266 УПК РФ председательствующий открывает судебное заседание и объявляет, в каком составе уголовное дело подлежит разбирательству. Именно на этом этапе возникает данный субъект, и другие участники судебного разбирательства получают сведения о государственном обвинителе.

Несколько больше информации о гособвинителе можно найти в ведомственных актах Генерального прокурора РФ, согласно которым «прокуроры должны назначать государственных обвинителей из числа подчиненных сотрудников заблаговременно, посредством составления в письменной форме поручения о поддержании обвинения, при этом исключать возможность

выбора ими уголовных дел»². Процессуальное значение такого поручения ничтожно, так как УПК РФ не предусматривает его вынесения, оно имеет ведомственный оперативно-служебный характер. Полагаем целесообразным придать поручению прокурора процессуальный характер и рассматривать его по аналогии с ордером адвоката, который предъявляется при вступлении в производство по уголовному делу (ч. 4 ст. 49 УПК РФ). Возможен и другой вариант процессуальной аналогии, например вынесение государственным обвинителем акта о принятии поручения прокурора. В этом случае поручение прокурора остается оперативно-служебным документом, а в суд направляется акт, подписанный государственным обвинителем.

Еще одна проблема связана с определением момента появления государственного обвинителя. Учитывая требование Генерального прокурора РФ о заблаговременном назначении государственных обвинителей для подготовки к судебному разбирательству, целесообразно закрепить в законе требование об обязательности вынесения прокурором решения о назначении гособвинителя по уголовному делу одновременно с утверждением им обвинительного заключения (акта, постановления). Определение момента вступления в судопроизводство одного из основных участников важно не только для суда, но и для участников сторон обвинения и защиты, у которых еще до начала судебного разбирательства появляется возможность при наличии соответствующих оснований реализовать право на отвод государственного обвинителя.

Во-вторых, остается непонятным момент окончания процессуальной правосубъектности государственного обвинителя. Исходя из многоуровневой, но централизованной системы органов прокуратуры, по большинству уголовных дел правосубъектность гособвинителя завершается принесением апелляционного представления в суд первой инстанции. Хотя ст. 389.12 УПК РФ предусматривает участие государственного обвинителя в судебном заседании суда апелляционной инстанции, Приказ Генерального прокурора РФ № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» устанавливает, что участие государственного обвинителя в апелляционном производстве ограничивается лишь районными судами (п. 10), в остальных апелляционных судах обвинения поддерживают должностные лица органов прокуратуры соответствующего уровня без указания на необходимость получения ими статуса государственного обвинителя.

В целом содержание Приказа № 376 дает основания полагать, что в судебном разбирательстве апелляционного, кассационного и надзорного производства участвуют не государственные обвинители, что предусмотрено УПК РФ, а иные прокуроры, статус которых не имеет четкого процессуального контура. Позволим себе согласиться с данной трактовкой лишь частично. В апелляционной инстанции участие должностного лица органа прокуратуры связано с продолжением уголовного преследования, что вызывает необходимость приобретения должностным лицом статуса государственного обвинителя. В после-

² Приказ Генпрокуратуры России от 30.06.2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства».

дующих судебных стадиях значимость обвинительных целей нивелируется: приговор вступил в законную силу и обращен к исполнению. Соответственно, перед должностным лицом органа прокуратуры, участвующим в кассационном или надзорном пересмотре судебного решения, возникают иные цели и задачи, как правило, связанные с оценкой законности вынесенных судебных решений.

Следующая проблема вызвана неопределенностью количественного состава данного участника уголовного судопроизводства. Согласно ч. 4 ст. 246 УПК РФ, государственный обвинитель может быть как индивидуальным, так и коллективным субъектом, при этом что понимается под коллективной формой участия обвинителей, закон не разъясняет. Остаются без ответа и другие вопросы, требующие нормативного регулирования: обязательно ли в судебном заседании участие всех включенных в группу государственных обвинителей либо их участие может быть поочередным; может ли количество гособвинителей превышать количество защитников подсудимого; как распределяются процессуальные полномочия между руководителем и участниками группы гособвинителей и т. д.

Не меньше сложностей с определением процессуальной самостоятельности государственного обвинителя и определением его полномочий, составляющих процессуальный статус: с одной стороны, в уголовном судопроизводстве гособвинитель выступает как самостоятельный участник, с другой стороны, находясь в отношениях жесткой централизации и субординации со своим руководителем – вышестоящим прокурором, он обязан осуществлять свои полномочия в пределах возложенного поручения. Насколько эти особенности могут быть отражены в уголовно-процессуальном законодательстве – вопрос дискуссионный, требующий отдельного изучения и научного обоснования. Но то, что процессуальный статус государственного обвинителя должен получить свое полное и однозначное закрепление в УПК РФ, на наш взгляд, не вызывает сомнения.

Иной прокурор как субъект уголовно-процессуального права

Осуществление прокурором надзорных полномочий в уголовно-процессуальной сфере на основе своей должностной правосубъектности не означает, что прокурор не обладает уголовно-процессуальной правосубъектностью. В УПК РФ предусмотрен ряд полномочий прокурора, отнести которые к надзорной функции или функции уголовного преследования объективно невозможно. Например, п. 8 ч. 2 ст. 37 УПК РФ закрепляет полномочия прокурора на участие в судебных заседаниях в ходе досудебного производства, например при рассмотрении вопроса о применении меры пресечения. Помимо досудебного производства, участие прокурора обязательно в стадии исполнения приговора при рассмотрении вопросов, перечисленных в ст. 397 УПК РФ, а также в судебном рассмотрении запросов о выдаче лица для уголовного преследования или исполнения приговора. Прокурор, участвуя в данных судебных заседаниях либо поручая участие подчиненному сотруднику, осуществляет полномочия, которые явно выходят за пределы функций прокурорского надзора и уголовного преследования. Возникает вопрос: какие цели и задачи стоят перед должностным лицом

органа прокуратуры в рамках обозначенных судебных заседаний и в каком статусе он в них участвует?

Прежде чем ответить на данный вопрос, отметим, что в указанных случаях под прокурорами понимается широкий перечень должностных лиц. Мы полагаем, что с учетом именно этой процессуальной роли определение понятия «прокурор» дано в п. 31 ст. 5 УПК РФ, включающем прокуроров всех уровней, их заместителей и «иных должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве и наделенных соответствующими полномочиями федеральным законом о прокуратуре». Вместе с тем в приказах Генерального прокурора³ наряду с прокурорами, участвующими в судебных разбирательствах по рассмотрению уголовных дел, выделяются также прокуроры, участвующие в судебных заседаниях, не связанных с осуществлением уголовного преследования. В первом случае речь идет о государственных обвинителях, во втором должностные лица обозначаются как «иные прокуроры».

Отличия между должностными лицами органов прокуратуры, замещающими различные процессуальные статусы, заключаются прежде всего в выполняемых ими процессуальных функциях. Иные прокуроры, участвуя в судебных заседаниях, осуществляют собственную функцию, не связанную ни с процессуальным надзором за органами расследования, ни с обвинением или уголовным преследованием. Их функция не связана с уголовным преследованием, так как предмет судебных заседаний не связан с обвинением лица. Полностью исключается и функция процессуального надзора, так как на основании ст. 37 УПК РФ прокурорский надзор осуществляется исключительно за органами предварительного расследования.

К сожалению, процессуальный статус иного прокурора не обозначен в УПК РФ, хотя именно он должен стать основой для формирования уголовно-процессуальной правосубъектности данного участника. Отсутствует как процессуальное наименование участника, так и порядок приобретения и прекращения процессуальной правосубъектности, нет ясности и в его целях и задачах. Для решения этих вопросов первоначально следует определиться с процессуальной функцией, которую осуществляет иной прокурор в судебных заседаниях, проводимых в ходе досудебного производства либо в стадии исполнения судебного решения. Мы полагаем, что в данном случае целесообразно говорить об осуществлении им правоохранной функции, обеспечивающей защиту прав и интересов как отдельного участника уголовного судопроизводства, так и общества и государства в целом.

Вышестоящий прокурор

Еще одно лицо, вступающее в отношения с участниками уголовного судопроизводства от имени органов прокуратуры, обозначено в УПК РФ как «вышестоящий

³ Приказы Генпрокуратуры России от 30.06.2021 № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»; от 17.09.2021 № 544 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»; от 27.11.2007 № 189 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением конституционных прав граждан в уголовном судопроизводстве» и др.

прокурор». В тексте Кодекса данный субъект упоминается восемнадцать раз в двух контекстах, а именно как:

1) руководитель надзирающего прокурора (ч. 5 ст. 37, ч. 4 ст. 41, ч. 1 ст. 66 УПК РФ и др.);

2) руководитель государственного обвинителя (ч. 2 ст. 258, ч. 1 ст. 389.1 УПК РФ).

В этой связи в уголовно-процессуальной науке признается, что «употребление в законе понятия "вышестоящий прокурор" относится не только к руководителю соответствующей прокуратуры, но и к любому оперативному работнику аппарата данной прокуратуры» [15]. Как и надзирающий прокурор, вышестоящий прокурор вступает в отношения с участниками уголовного судопроизводства на основе своей должностной правосубъектности, что выводит его из круга субъектов уголовно-процессуального права. Исключение составляет ст. 389.1 УПК РФ, когда вышестоящий прокурор приносит апелляционное представление и вступает в апелляционное производство в качестве государственного обвинителя, участника судебного заседания по апелляционному пересмотру уголовного дела.

ОСНОВНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В результате исследования было установлено, что должностные лица органов прокуратуры в уголовном судопроизводстве обладают двумя основными правовыми статусами: должностным и уголовно-процессуальным. Должностной статус позволяет им осуществлять государственно-властные функции по надзору за органами предварительного расследования, в то время как уголовно-процессуальный статус приобретает на определенных стадиях судопроизводства для выполнения функций государственного обвинения или защиты интересов государства и общества.

Анализ показал, что действующее законодательство недостаточно четко разграничивает эти статусы, что приводит к правовой неопределенности в полномочиях и функциях прокуроров на разных этапах процесса судопроизводства. Это затрудняет их эффективную работу в рамках уголовного судопроизводства. В связи с этим автор предлагает внести изменения в законодательство, которые позволят более точно определить и разграничить правовые статусы и функции должностных лиц органов прокуратуры, что, в свою очередь, повысит их процессуальную эффективность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенному анализу правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры, отметим, что закрепленное в УПК РФ правовое положение участника уголовного судопроизводства прокурора допускает неоправданное слияние и смешение различных непроцессуальных и процессуальных статусов должностных лиц органов прокуратуры, что мешает эффективной организации их деятельности. Возложение на одного участника различных, отчасти противоречивых функций и полномочий, позиционирующих прокурора, с одной стороны, как властного надзирающего субъекта, а с другой – как участника, не обладающего государственно-властными полномочиями, искажает суть государственной надзорной деятельности и не по-

зволяет увидеть истинную сущность деятельности прокурора в судебных заседаниях. Решение проблемы мы видим в законодательном разграничении и правовой регламентации двух видов правосубъектности должностных лиц органов прокуратуры:

1) правосубъектность руководителя органа прокуратуры, в т. ч. вышестоящего прокурора, вступающего в отношения с участниками уголовного судопроизводства на основе своего должностного статуса и обладающего государственно-властными полномочиями в отношении подчиненных сотрудников и поднадзорных субъектов (органов предварительного расследования);

2) уголовно-процессуальная правосубъектность должностного лица органа прокуратуры, приобретаемая им на определенный период (этап, стадию) уголовного судопроизводства с целью осуществления одной из двух процессуальных функций – уголовного преследования либо правоохраны:

а) участник, обеспечивающий функцию уголовного преследования (обвинения), получает уголовно-процессуальный статус «государственного обвинителя»;

б) участник, обеспечивающий функцию правоохраны, получает уголовно-процессуальный статус «иног прокурора» (либо «представителя прокурора»).

Потребность в данных участниках уголовного судопроизводства и осуществляемых ими процессуальных функциях очевидна. При совершенствовании уголовно-процессуального законодательства они должны получить надлежащее правовое оформление в качестве субъектов уголовно-процессуального права с необходимым объемом процессуальной правосубъектности, достаточной для эффективного исполнения возложенных на них полномочий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Трухачев В.В., Ахмедов У.Н. Функции и полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве и их отражение в процессуальном статусе прокурора // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 1. С. 195–202. EDN: [SFYNOH](#).
2. Манова Н.С. Модель деятельности прокурора в уголовном процессе: ключевые проблемы и возможности реформы // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 2. С. 43–50. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.6](#).
3. Амирбеков К.И. Полномочия прокурора по уголовному преследованию в судебных стадиях уголовного судопроизводства // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2021. № 6. С. 25–32. EDN: [HZBZKK](#).
4. Чурикова А.Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе. М.: Триумф, 2022. 285 с.
5. Гальченко А.И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы // Lex russica (Русский закон). 2014. Т. 96. № 11. С. 1346–1359. EDN: [TCRHOP](#).
6. Камчатова К.В., Тимошенко А.А. Деятельность прокурора в уголовном судопроизводстве: оценка эффективности // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 29–33. EDN: [ZQLUAH](#).
7. Татьяна Л.Г. Виды деятельности прокурора в уголовном процессе России // Вестник Сибирского

- юридического института МВД России. 2010. № 3. С. 30–33. EDN: [QHXXQT](#).
8. Лазарева В.А., Вершинина С.И. О процессуальном статусе должностных лиц органов прокуратуры, участвующих в уголовном судопроизводстве // Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 2. С. 51–59. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.7](#).
 9. Апостолова Н.Н. Прокурорский надзор и предварительное следствие как гарантии обеспечения прав и свобод личности // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 53–56. EDN: [YFPXUR](#).
 10. Шобухин В.Ю. Прокурорское право – отрасль российского права // Законность. 2009. № 7. С. 43–45. EDN: [KXFMFT](#).
 11. Биктагиров Р.Т. Институт прокуратуры в механизме российского государства // Гражданин. Выборы. Власть. 2016. № 2-3. С. 143–158. EDN: [ZSGZYL](#).
 12. Березовская С.Г. Сущность и основные характеристики правовых отношений в сфере прокурорского надзора // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3. С. 122–131. EDN: [OLPYUO](#).
 13. Рябцев В.П., Алексеев А.И., Бессарабов В.Г. Роль и место органов прокуратуры в системе государственных институтов Российской Федерации // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2023. № 3. С. 202–211. EDN: [WURYMG](#).
 14. Винокуров А.Ю. Поправки к Конституции Российской Федерации в контексте закрепления статусных положений о прокуратуре // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 4. С. 31–34. EDN: [LGJUEQ](#).
 15. Крюков В.Ф. Уголовное преследование в судебном производстве: уголовно-процессуальные и надзорные аспекты деятельности прокурора. Курск, 2010. 411 с.
 16. Спесивов Н.В. Проблемы реализации прокурором функции уголовного преследования // Законность. 2024. № 2. С. 13–17. EDN: [LPFFYY](#).
 4. Churikova A.Yu. *Pravovaya model deyatelnosti prokurora v rossiyskom i zarubezhnom ugolovnom protsesse* [The Legal Model of the Prosecutor's Activity in the Russian and Foreign Fishing Process]. Moscow, Triumph Publ., 2022. 285 p.
 5. Galchenko A.I. Functions of the procuracy of the Russian Federation: disputable issues. *Lex russica (Russkiy zakon)*, 2014, vol. 96, no. 11, pp. 1346–1359. EDN: [TCRHOP](#).
 6. Kamchatov K.V., Timoshenko A.A. The activities of the prosecutor in criminal proceedings: assessment of effectiveness. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 11, pp. 29–33. EDN: [ZQLUAH](#).
 7. Tatyana L.G. Activities of the prosecutor in the criminal process of Russia. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2010, no. 3, pp. 30–33. EDN: [QHXXQT](#).
 8. Lazareva V.A., Vershinina S.I. On the procedural status of officials of the prosecutor's office participating in criminal proceedings. *Pravovaya paradihma*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 51–59. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.7](#).
 9. Apostolova N.N. Public prosecutor's supervision and preliminary investigation as a guarantee of the rights and freedoms of the individual. *Rossiyskaya yustitsiya*, 2017, no. 3, pp. 53–56. EDN: [YFPXUR](#).
 10. Shobukhin V.Yu. Prosecution law – branch of the Russian law. *Zakonnost*, 2009, no. 7, pp. 43–45. EDN: [KXFMFT](#).
 11. Biktairov R.T. Public prosecution institution in the mechanism of the Russian state. *Grazhdanin. Vybyry. Vlast*, 2016, no. 2-3, pp. 143–158. EDN: [ZSGZYL](#).
 12. Berезovskaya S.G. Essence and main characteristics of legal relations in the sphere of procuracy supervision. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2023, no. 3, pp. 122–131. EDN: [OLPYUO](#).
 13. Ryabtsev V.P., Alekseev A.I., Bessarabov V.G. The role and place of the prosecutor's office in the system of state institutions of the Russian Federation. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2023, no. 3, pp. 202–211. EDN: [WURYMG](#).
 14. Vinokurov A.Yu. Amendments to the Constitution of the Russian Federation within the framework of consolidation of status provisions on the prosecutor's office. *Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo*, 2021, no. 4, pp. 31–34. EDN: [LGJUEQ](#).
 15. Kryukov V.F. *Ugolovnoe presledovanie v sudebnom proizvodstve: ugolovno-protsessualnye i nadzornye aspekty deyatelnosti prokurora* [Criminal prosecution in judicial proceedings: criminal procedural and supervisory aspects of the prosecutor's activities]. Kursk, 2010. 411 p.
 16. Spesivov N.V. Problems of implementation by the prosecutor of the function of criminal prosecution. *Zakonnost*, 2024, no. 2, pp. 13–17. EDN: [LPFFYY](#).

REFERENCES

1. Trukhachev V.V., Akhmedov U.N. Functions and the prosecutors powers in criminal proceedings and their reflection in the procedural status of the prosecutor. *Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 1, pp. 195–202. EDN: [SFYNOH](#).
2. Manova N.S. The model of the prosecutor's activities in criminal proceedings: key challenges and opportunities for reform. *Pravovaya paradihma*, 2022, vol. 21, no. 2, pp. 43–50. DOI: [10.15688/lc.jvolsu.2022.2.6](#).
3. Amirbekov K.I. The powers of the prosecutor to prosecute in the judicial stages of criminal proceedings. *Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 6, pp. 25–32. EDN: [HZBZKK](#).

Legal personality of officials of the prosecution authorities in criminal proceedings

© 2024

Kristina A. Korchagina, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”

Togliatti State University, Togliatti (Russia)

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8770-1173>

Received 09.08.2024

Accepted 13.09.2024

Abstract: In modern criminal procedural science, there is no doubt that the prosecutor and subordinate prosecution officers are participants in criminal proceedings. Separate disputes arise only when discussing the issue of classifying the prosecutor as a party to the prosecution. At the same time, the role and functions of officials of the prosecution authorities in criminal proceedings are not so obvious and unambiguous. Although Part 1 of Article 37 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation assigns the functions of supervision and criminal prosecution to the prosecutor, the heads of the prosecution authorities and the employees subordinate to them do not always pursue these goals, and officials of the prosecution authorities do not always act in the status of a prosecutor or public prosecutor. Analyzing the current norms of criminal procedural legislation and comparing them with the actual legal personality of prosecutorial employees entering into relations with participants in criminal proceedings, the author substantiates the conclusion about the necessity to distinguish between two fundamentally different legal statuses of the prosecution officials. The first one is the official status of the prosecutor as the head of the prosecution authority, allowing him to exercise state powers to supervise the preliminary investigation bodies without accepting the additional procedural status of a participant in legal proceedings. The second one is the criminal procedural status acquired by an official of the prosecution authority, including a prosecutor, for a certain period (stage, phase) of criminal proceedings to carry out one of two procedural functions – criminal prosecution (acquires the status of a public prosecutor) or law enforcement function, protection of the interests of an individual, society and the state (acquires the status of other prosecutor or a prosecutor representative).

Keywords: criminal procedure; criminal proceedings; legal status; legal personality; prosecutor; public prosecutor; other prosecutor; higher-level prosecutor.

For citation: Korchagina K.A. Legal personality of officials of the prosecution authorities in criminal proceedings. *Jus strictum*, 2024, no. 3, pp. 12–19. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-2.

Развитие советских уголовно-правовых запретов в период Великой Отечественной войны

© 2024

*Скоробогатов Андрей Валерьевич**¹, доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
*Рыбушкин Николай Николаевич*², кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин
Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань (Россия)

*E-mail: skorobogatov@ieml.ru,
av.skorobogatov@mail.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-5367>
²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-724X>

Поступила в редакцию 18.04.2024

Принята к публикации 16.09.2024

Аннотация: Статья посвящена исследованию уголовно-правового регулирования в период Великой Отечественной войны в историко-правовом контексте. Целью работы является формирование научно обоснованного знания об особенностях развития системы уголовно-правовых запретов в советском праве в период Великой Отечественной войны. На основе конструктивистской парадигмы авторы исследуют процесс трансформации уголовно-правовых запретов в военное время, выделив в этом процессе роль не только законодательных, но также исполнительных и судебных органов. Проведенное исследование позволило сделать вывод, что трансформация уголовно-правового регулирования в равной мере коснулась общей и особенной частей данной отрасли права. Однако изменения были вызваны не только потребностями военного положения, но и трансформацией уголовного права накануне войны, связанной с провозглашенным Конституцией СССР 1936 г. переходом к регулированию этой отрасли права не на республиканском, а на общесоюзном уровне. В правовой доктрине и общей части уголовного права изменения касались прежде всего криминализации гражданских и трудовых отношений, расширения пределов уголовно-правового регулирования, в частности появления новых объектов уголовно-правовой охраны, и уточнения перечня специальных субъектов уголовного права, для которых устанавливались повышенные меры уголовной ответственности. Применительно к особенной части уголовного права изменения носили более конкретизированный характер, обусловленный необходимостью мобилизации всех материальных и людских ресурсов для разгрома врага и обеспечения правопорядка и общественной безопасности.

Ключевые слова: уголовно-правовой запрет; советский уголовно-правовой запрет; советское право; Великая Отечественная война; правовая реальность; уголовно-правовое регулирование; конструирование запретов; криминализация.

Для цитирования: Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Развитие советских уголовно-правовых запретов в период Великой Отечественной войны // Jus strictum. 2024. № 3. С. 20–26. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-3.

ВВЕДЕНИЕ

Правовая реальность России традиционно ориентирована на разрешительный тип правового регулирования, в котором правовые запреты играют чрезвычайно важную роль не только в регулировании поведения отдельных лиц, но и в обеспечении правопорядка в целом. Речь при этом идет не только о регулятивно-охранительном, но и ценностном воздействии запретов на правовое сознание и поведение человека. Особое значение в конструировании правовой реальности имеют установленные государством уголовно-правовые запреты, отражающие особенности вертикальной правовой коммуникации. Уголовно-правовые запреты играют существенную роль в поддержании правопорядка, но при этом не только обладают регулятивно-охранительным действием, но и воздействуют на сознание индивида, формируя ценностные установки на совершение правомерных действий. Транслируя правовую информацию о запретах, государство, как адресант коммуникации, требует от индивида-адресата удержания от определенных действий, имеющих противоправный характер и влекущих не только наступление ответственности, но и разрушение устойчивого разви-

тия и функционирования общества. Для России традиционно именно соблюдение запретов, выступающих выражением архетипов соборности и этатизма, является определяющей чертой в конституционной идентификации субъекта. С одной стороны, соблюдение запретов свидетельствует о разделении индивидом ценностей, сконструированных государством и разделяемых обществом. С другой стороны, подчинение запретам служит основанием для принятия человека социумом в качестве своего члена [1]. Поэтому выявление роли запретов, и уголовно-правовых запретов в частности, в организации и функционировании правового бытия предполагает необходимость ретроспективного исследования, в т. ч. в периоды кризисного развития российской государственности и общества, когда требовалась мобилизация человеческих и материальных ресурсов, осуществляемая с помощью не только административного, но и уголовного права. Одним из таких периодов была Великая Отечественная война, память о которой чрезвычайно важна для сохранения исторической правды.

Несмотря на значимость правовых запретов для развития и функционирования правовой реальности России,

научный интерес к теме был обозначен лишь в 70-х гг. прошлого века. Проблема уголовно-правовых запретов в ретроспективном аспекте преимущественно изучается в общем контексте генезиса и эволюции уголовно-правового регулирования [2]. Только в последние годы ученые обратились к изучению регулятивно-охранительного и ценностного воздействия уголовно-правовых запретов на правовое бытие человека на различных этапах историко-правовой реальности [3; 4].

Изучение истории советского уголовного права как в целом, так и на отдельных этапах осуществлялось преимущественно в пространстве ретроспективных аспектов уголовно-правового регулирования, начало которому положила изданная в 1948 г. под редакцией А.А. Герцензона «История советского уголовного права», затронувшая в т. ч. развитие уголовного права в период Великой Отечественной войны [5]. Эта работа определила общее направление изучения проблематики в последующие годы, когда к ней обращались в контексте уголовно-правовой политики [6; 7], регулирования уголовных правоотношений в чрезвычайных условиях [8; 9] и ответственности по отдельным составам уголовных преступлений [10; 11]. Комплексного же изучения эволюции советского уголовного права историко-правовом и социокультурном контексте не предпринималось.

В зарубежной юриспруденции проблема советского уголовного права преимущественно изучалась в сравнительно-правовом контексте для обоснования искажения принципов уголовно-правового регулирования [12] и обусловленности уголовного законодательства в СССР идеологическими факторами [13], которые определяли этапы криминализации и декриминализации [14].

Цель исследования – формирование научно обоснованного знания об особенностях развития системы уголовно-правовых запретов в советском праве в период Великой Отечественной войны.

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Методологически статья построена на основе сформулированной в рамках социологической феноменологии конструктивистской парадигмы, позволяющей рассматривать как правовую реальность в целом, так и отдельные правовые явления как социальные конструкты. Методологические постулаты этой теории в общесоциальном смысле были сформулированы А. Шюцем, П. Бергером и Т. Лукманом и применительно к правовой реальности развиты И.Л. Честновым, Я.И. Гилинским и Н.В. Разуваевым. В историко-правовых исследованиях конструктивистский подход был обоснован Д.А. Пашенцевым. Применение конструктивистской парадигмы к исследованию уголовно-правовых запретов позволяет не только проследить роль государства в формировании уголовного права, но и выявить особенности формирования и реализации в уголовно-правовом регулировании принципов легальности и легитимности.

Изучение поставленной проблемы осуществлялось на основе анализа нормативных правовых актов, изданных в этот период и посвященных регулированию отдельных уголовных отношений, а также произведений советских юристов, отразивших доктринальные изменения в нормативных основах советского уголовного законодательства в чрезвычайных условиях. Это позволило исследовать

трансформацию уголовно-правовых запретов в период Великой Отечественной войны на основе дедуктивной логики от изменений в правовой доктрине и общей части уголовного права к их конкретизации в дополнении и уточнении отдельных составов преступлений в особенной части.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

1. Изменение уголовно-правовой доктрины и общей части уголовного права

1.1. Изменение в принципах и понятийном аппарате уголовного права в условиях перехода к чрезвычайному законодательству

С началом Великой Отечественной войны в СССР было введено чрезвычайное законодательство, затронувшее все сферы общественных отношений. Это означало адаптацию к военным условиям всей правовой системы путем как уточнения имеющихся юридических норм, так и создания новых, обусловленных появлением новых отношений, вызванных войной. Конструируемое при этом законодательство отвечало требованиям легальности, в целом соответствуя потребностям в правовом регулировании в чрезвычайных условиях, и легитимности, отвечая потребностям общества в мобилизации сил для разгрома врага [15].

Изменения в уголовно-правовом регулировании накануне и в период Великой Отечественной войны в значительной мере детерминированы положениями Конституции СССР 1936 г., в соответствии с которыми было провозглашено построение основ социализма, а вопрос конструирования уголовно-правовых запретов был передан с республиканского на общесоюзный уровень (п. «х» ст. 14). Реализуя эти конституционные положения, в 1939 г. разработали проект Уголовного кодекса (далее – УК) СССР, который хотя и не был принят, но эксплицитно советскую уголовно-правовую доктрину и определил отношение к интерпретации преступления и наказания в нормативных правовых актах, принятых в СССР в последующие годы.

Связанное с принятием конституции усиление государственного строительства обусловило трансформацию понятия и принципов конструирования уголовно-правовых запретов. На первое место были поставлены политические интересы государства, что специально подчеркнуто в работах А.Н. Трайнина¹, которые определили принципы уголовного права: классовость, равенство, целесообразность, т. е. запреты носили классовый характер и были признаны необходимым средством защиты интересов государства трудящихся [16]. Единственным источником конструирования уголовно-правовых запретов стал издаваемый советским государством закон: при вынесении приговора и назначении наказания суд мог руководствоваться только закрепленной в законе нормой, что отмечалось советскими учеными². Несмотря

¹ Трайнин А.Н. *Общая конструкция составов преступления в социалистическом уголовном праве // Социалистическая законность. 1944. № 11. С. 23–29.*

² *Уголовное право. Общая часть / под общ. ред. И.Т. Голякова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. 284 с. С. 3.*

на значительную роль высших судов в расширительной интерпретации уголовно-правовых запретов, ее нельзя в полной мере считать правотворческой [17]. Речь шла лишь о квазиправообразовательной деятельности, направленной на конструирование правовой реальности в форме дефрагментации.

Законодательство определяло преступление как деяние, направленное против советского строя или нарушающее правопорядок, установленный в переходный к коммунизму период времени (ст. 5 проекта УК СССР), включая не только активное действие, но и бездействие³. С помощью уголовно-правовых запретов были ограничены пределы правомерного поведения субъектов права, обеспечено применение мер ответственности не только к лицам, нарушившим запрет, но и к злоупотребляющим своим правом⁴. Это позволяет говорить не только об охранительной, но и регулятивной функции уголовного права в этот период.

1.2. Новое понимание состава преступления

Разработанное советскими юристами в 1940-е гг. учение о составе преступления было основано на классово-трактовке уголовно-правовых запретов⁵. В значительной мере это определило осуществленную ими классификацию запретов по объекту преступного посягательства⁶. Однако необходимо отметить, что сложившаяся накануне войны система уголовно-правовых запретов была существенно трансформирована в условиях военного времени путем расширения имеющихся составов преступления и криминализации дисциплинарных проступков и гражданских правонарушений. Это было обусловлено как отсутствием составов преступлений, ориентированных на применение в военное время, так и невозможностью применения к деяниям, совершенным в чрезвычайных условиях, норм, ориентированных на обеспечение правопорядка в мирное время.

Главным при квалификации преступлений становилась их общественная опасность, которая советской уголовно-правовой доктриной военного времени трактовалась дихотомично. С одной стороны, как указывал Н.Д. Дурманов, на первое место при оценке судом преступного деяния выходил его антиобщественный характер⁷. С другой стороны, при назначении наказания определяющую роль играла конструкция уголовно-правового запрета в законе [18].

³ См. напр.: *Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 июня 1941 г. № 25/10/V «О квалификации нарушений правил и распоряжений по Местной противовоздушной обороне»* // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1941–1942. Л.: Лениздат, 1942. С. 105–106.

⁴ *Указ Президиума ВС СССР от 02.05.1943 «Об ответственности за незаконное награждение орденами и медалями СССР и нагрудными знаками, за присвоение орденов, медалей и нагрудных знаков и передачу их награжденными лицами другим лицам»* // *Ведомости ВС СССР*. 1943. № 18. С. 185–186.

⁵ *Трайнин А.Н. Учение о составе преступления. М.: Юридиздат, 1946. 363 с. С. 5.*

⁶ *Загородников Н.И. Значение объекта преступления при определении меры наказания по советскому уголовному праву // Труды Военно-юридической академии. 1949. Т. 10. С. 3.*

⁷ *Дурманов Н.Д. Понятие преступления. М.: Изд-во АН СССР, 1948. 311 с. С. 198.*

В качестве общего субъекта преступления советское уголовное право признавало всех физических лиц, достигших 16-летнего возраста и являющихся дееспособными. По особо тяжким составам преступления предусматривалась возможность привлечения к уголовной ответственности с 12 лет⁸. При определении меры ответственности необходимо было учитывать не только объект и объективную сторону деяния, но и классовую природу субъекта (ст. 35 проекта УК СССР).

Наибольшие изменения в трактовке субъектного состава преступлений в годы Великой Отечественной войны относятся к специальным субъектам. В значительной степени это было вызвано трансформацией правовых ценностей в чрезвычайных условиях. Примат мобилизации всех сторон общественной жизни обусловил расширение уголовно-правовых запретов и криминализацию гражданско-правовой сферы [19], что привело к сближению понятий общего и специального субъектов уголовного права и распространению уголовно-правовой ответственности на всех трудящихся⁹, хотя меры ответственности были различны для городского¹⁰ и сельского населения¹¹.

Наряду с трансформацией содержания имеющихся субъектов преступления, в годы Великой Отечественной войны была установлена новая категория субъектов преступления – «фашистские преступники и их пособники»¹². По мнению советских ученых, хотя деяния этих лиц подпадали под нормы международного права, их следовало рассматривать по территориальному признаку¹³. Одновременно был уточнен перечень лиц, которые относились к членам семей изменников Родины и подлежали вместе с ними уголовному наказанию: «отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они

⁸ *Указ Президиума ВС СССР от 31 мая 1941 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних»* // *Ведомости ВС СССР*. 1941. № 25. С. 13–14.

⁹ *Указ Президиума ВС СССР от 26.12.1941 «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий»* // Библиотека нормативно-правовых актов Союза Советских Социалистических Республик. URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_4336.htm.

¹⁰ *Указ Президиума ВС СССР от 13.02.1942 «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве»* // *Ведомости ВС СССР*. 1942. № 6. С. 18–19.

¹¹ *Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 13.02.1942 № 507 «О порядке мобилизации на сельскохозяйственные работы в колхозы, совхозы и МТС трудоспособного населения городов и сельских местностей»* // *Собрание Постановлений Правительства СССР*. 1942. № 4. Ст. 60.

¹² *Указ Президиума ВС СССР «О мерах наказания для немецко-фашистских злодеев, виновных в убийствах и истязаниях советского гражданского населения и пленных красноармейцев, для шпионов, изменников Родины из числа советских граждан и для их пособников».* (Утвержден постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1943 г.). 19 апреля 1943 г. // *В штабах Победы. 1941–1945: Док. в 5-ти кн. Кн. 3: 1943. «Ломая упорное сопротивление врага...»*. М.: Науч.-полит. кн., 2020. С. 184–186.

¹³ *Трайнин А.Н. Уголовная ответственность гитлеровцев. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944. 105 с. С. 92.*

жили совместно с изменником Родине или находились на его иждивении к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны»¹⁴.

Сформировавшаяся к началу Великой Отечественной войны уголовно-правовая доктрина рассматривала субъективную сторону преступления исключительно в контексте психического состояния лица, нарушившего уголовно-правовой запрет. Основное внимание уделялось проблеме вины. Несмотря на то что в качестве форм вины признавались умысел и неосторожность, «отсутствие сознания противоправности (общественной опасности) того или другого действия, по господствующему взгляду, не устраняет виновности лица и не влияет на форму его виновности»¹⁵. При определении вины учитывалось не только правовые, но и моральные факторы, особенно по отношению к «фашистам и их пособникам». Несмотря на закрепление принципа индивидуализации вины, по некоторым составам преступления ответственность наступала не только для лиц, его совершивших, но и для членов их семей¹⁶.

1.3. Трансформация темпоральных и пространственных пределов действия уголовно-правовых запретов

Трансформация темпоральных пределов действия уголовного закона шла по пути изменения времени применения мер уголовной ответственности. Наиболее ярким примером таких изменений стал Указ Президиума Верховного Совета (далее – ВС) СССР «Об отсрочке исполнения приговоров в отношении работников железнодорожного и водного транспорта», отложивший применение мер ответственности к лицам, профессиональные навыки которых могли быть использованы в мобилизационных целях.

Более сложной была трансформация пространственных пределов действия уголовного закона.

С одной стороны, формально пространство его действия распространялось на государственную территорию (принятые в период войны нормативные правовые акты распространялись на всю страну, в т. ч. на территорию, находившуюся в оккупации). Так, Приказ Прокурора СССР от 15 мая 1942 г. № 46 «О квалификации преступлений лиц, перешедших на службу к немецко-фашистским оккупантам в районах, временно занятых врагом» установил, что под состав преступления «измена Родине» подпадают деяния всех предателей независимо от территории, на которой они были совершены.

С другой стороны, в законодательстве были обозначены территории, на которых действие уголовно-правовых запретов имело специфичный характер. Так, 26 декабря 1941 г. был издан Указ Президиума ВС СССР «Об ответственности рабочих и служащих пред-

приятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий», где квалифицирующим пространственным признаком была территория оборонного предприятия.

2. Трансформация особенной части уголовного права

2.1. Обновление организации защиты государственной безопасности

Изменения уголовно-правового регулирования в период Великой Отечественной войны касались не только общих принципов действия уголовно-правовых запретов, но и привели к детальной трансформации всей системы запретов. Эти изменения были обусловлены как чрезвычайными условиями, требовавшими мобилизации всех сил для победы над немецко-фашистскими захватчиками, так и почти полным отсутствием в законодательстве норм, ориентированных на применение в военное время. Изменения преимущественно осуществлялись путем правотворческой деятельности Государственного комитета обороны СССР и Президиума ВС СССР.

В условиях Великой Отечественной войны существенно обострилась проблема безопасности СССР. Это обусловило усиление внимания к государственным преступлениям. Хотя сохранялось действие норм «Положения о преступлениях государственных», в период войны произошло уточнение составов и усиление ответственности за эти деяния. Так, Указ Президиума ВС СССР от 15 ноября 1943 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» уточнил состав преступления «неосторожное разглашение государственной тайны гражданами»: (1) разглашение сведений, составляющих государственную тайну, должностными лицами или утрата ими содержащих такие сведения документов; (2) разглашение сведений, которые являются государственной тайной, частными лицами.

Ряд нормативных правовых актов, изданных в годы войны, был связан с необходимостью пресечения преступных деяний, нарушавших основы государственной безопасности. В частности, как преступление стало квалифицироваться уклонение не только от военной, но и от иных видов мобилизации. Указом Президиума ВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» для лиц, умышленно или по неосторожности отказывающихся или уклоняющихся от исполнения военной, трудовой, автогужевой и транспортной повинности в местностях, объявленных на военном положении, была установлена уголовная ответственность в виде лишения свободы на срок до 6 месяцев, которая могла быть заменена штрафом в размере до 3000 руб. Еще более жестко к нарушителям мобилизационных мероприятий подошел Указ Президиума ВС СССР от 13 февраля 1942 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», в соответствии с которым лица, уклоняющиеся от трудовой мобилизации, подлежали наказанию в виде исправительно-трудовых работ. Максимальный срок таких работ был установлен в 1 год. Через год Указ Президиума ВС СССР от 15 апреля 1943 г. «О введении военного положения на всех железных дорогах» распространил этот запрет на лиц, занятых работой на транспорте всех видов.

¹⁴ Постановление ГКО СССР от 24.06.1942 № ГОКО-1926сс «О членах семей изменников Родине» // В штабах Победы. 1941–1945: Док. в 5-ти кн. Кн. 2: 1942. «Ни шагу назад!». М.: Науч.-полит. кн., 2020. С. 276.

¹⁵ Уголовное право. Общая часть / под общ. ред. И.Т. Голякова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. С. 155–156.

¹⁶ Постановление ГКО СССР от 24.06.1942 № ГОКО-1926сс «О членах семей изменников Родине» // В штабах Победы. 1941–1945: Док. в 5-ти кн. Кн. 2: 1942. «Ни шагу назад!». М.: Науч.-полит. кн., 2020. С. 276–277.

Одновременно были увеличены санкции по сохранившимся составам преступлений, что объяснялось их угрозой не только правопорядку, но и безопасности государства и общества в целом. Например, 29 сентября 1942 г. был издан Указ Президиума ВС СССР «О переводе на положение мобилизованных рабочих, служащих и инженерно-технических работников в близких к фронту районах», который приравнивал к дезертирству самовольный уход с предприятий и учреждений рабочих, служащих и инженерно-технических работников, переведенных на положение мобилизованных.

Однако проблемы безопасности требовали трансформации не только онтологического уровня социальной реальности, но и аксиологического. Это обусловило усиление внимания к проблеме мировоззрения со стороны государства. В первую очередь речь шла о монополизации информационных ресурсов, что должно было поддерживать патриотический настрой граждан. Это сопровождалось борьбой с распространением дезинформации в форме ложных слухов. Указ Президиума ВС СССР от 6 июля 1941 г. «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения» установил уголовную ответственность за «распространение слухов в военное время, возбуждающих тревогу среди населения» в виде тюремного заключения на срок от 2 до 5 лет в зависимости от тяжести деяния и личности совершившего его. Срок наказания при этом зависел не только от объективной стороны деяния, но и от субъективной.

Новеллизация уголовно-правовых запретов шла не только путем конструирования новых составов преступлений и использования принципа аналогии в судебной практике, но и за счет уточнения и конкретизации преступлений, предусмотренных действующим УК РСФСР 1926 г. Одновременно происходило уточнение и детализация имеющихся составов преступлений путем их дробления и конструирования новых составов. Наиболее ярким примером выступает дробление состава преступления, которое было детализировано рядом указов Президиума ВС СССР путем установления ответственности за неисполнение отдельных видов обязанностей. Так, Указ Президиума ВС СССР от 13 февраля 1943 г. «О мобилизации на период военного времени трудоспособного городского населения для работы на производстве и строительстве», конкретизируя наказание за неисполнение обязанностей и повинностей, предусмотренное ст. 59.6 УК РСФСР 1926 г., установил уголовную ответственность за уклонение трудоспособного населения от мобилизации для работы на производстве и строительстве на период военного времени.

Наряду с конструированием принципиально новых уголовно-правовых запретов, содержание которых было вызвано чрезвычайными условиями войны, происходила криминализация деяний, не являвшихся преступными в мирное время. Постановление Пленума Верховного суда СССР от 26 июня 1941 г. «О квалификации нарушений правил и распоряжений по местной противовоздушной обороне» предусматривало применение к злым нарушителям государственных распоряжений оборонительного характера норм ст. 59-6 УК РСФСР 1926 г.

2.2. Трансформация уголовно-правовой защиты права собственности

Примат государственных и общественных интересов в годы войны вызвал пристальное внимание к защите социалистической собственности. Прежде всего необходимо отметить защиту рационального использования продовольствия, выполнявшего ресурсную роль в организации социальной жизни как на фронте, так и в тылу, которая осуществлялась не только в форме мобилизации материальных ресурсов, но и в борьбе со спекуляцией. Концепт «спекуляция» в период Великой Отечественной войны приобрел расширительное толкование в судебной практике, логическим завершением которого стало принятие Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 24 декабря 1942 г. «О судебной практике по делам о самогоноварении». Это постановление по аналогии со ст. 107 УК РСФСР 1926 г. приравнивало скупку и последующий сбыт продовольственного сырья с целью производства самогона к спекуляции. Одновременно была существенно увеличена ответственность должностных лиц по имущественным преступлениям¹⁷.

Вопросы защиты имущества решались советским законодателем в отношении не только общенародной собственности, но и личной собственности граждан. Несмотря на сохранение в годы войны действия норм УК РСФСР 1926 г., направленных на охрану личной собственности, был издан ряд новелл, причины и содержание которых были обусловлены чрезвычайными условиями военного времени. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 8 января 1942 г. «О квалификации некоторых видов кражи личного имущества граждан в условиях военного времени» сформулировало новые виды преступных деяний, которые квалифицировались как кражи: кража имущества граждан во время воздушных налетов врага, при оставлении населенного пункта в связи с появлением или приближением врага, кража личного имущества эвакуированных в пути следования или оставленных на прежнем месте жительства, хищение продовольственных и промтоварных карточек. По принципу аналогии с п. «г» ст. 162 УК РСФСР 1926 г. они были приравнены к кражам, совершенным во время пожара, наводнения или иного общественного бедствия. Исходя из специфичных условий объективной стороны этих деяний, обстоятельства совершения таких краж были признаныотягчающими.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эволюция уголовно-правового регулирования в период Великой Отечественной войны была обусловлена политическими и социально-экономическими потребностями времени, а также логикой развития уголовного права, основанными на новеллах Конституции СССР 1936 г. В правовой доктрине и общей части уголовного права изменения касались прежде всего криминализации гражданских и трудовых отношений; расширения пределов уголовно-правового регулирования, в частности появления новых объектов уголовно-правовой ох-

¹⁷ См. напр.: Судебная практика Верховного Суда СССР / под ред. И.Т. Голякова. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1943. Вып. 2. С. 10.

раны; уточнения перечня специальных субъектов уголовного права, для которых устанавливались повышенные меры уголовной ответственности, в т. ч. с появлением совершенно новых категорий, например «фашистские преступники и их пособники». Переход к военному положению привел к трансформации принципов действия уголовно-правовых запретов во времени, пространстве и по кругу лиц. Действие ряда уголовно-правовых запретов было ограничено военным временем. Произошло расширение экстерриториальности действия уголовного права по отношению к лицам, преступления которых затрагивали принципиальные основы общественной безопасности. Применительно к особенной части уголовного права изменения носили более конкретизированный характер, обусловленный необходимостью мобилизации всех материальных и людских ресурсов для разгрома врага и обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Сохранявший свое действие в период Великой Отечественной войны УК РСФСР 1926 г. содержал незначительное число уголовно-правовых запретов, рассчитанных на применение в военное время, что потребовало не только создания новых составов преступления, но и трансформации имеющихся составов в сторону усиления мер ответственности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Скоробогатов А.В., Краснов А.В. Правовая реальность транзитивного общества: дискурс и нарратив. СПб.: Алетей, 2024. 552 с.
- Арямов А.А. Византизм в генезисе отечественного уголовного права // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14. № 1. С. 8–14. EDN: [WLQLXR](#).
- Маркунцов С.А. Исторические особенности возникновения первичных уголовно-правовых запретов // Журнал российского права. 2014. № 1. С. 132–142. DOI: [10.12737/1825](#).
- Скоробогатов А.В., Рыбушкин Н.Н. Уголовно-правовые запреты в советском юридическом дискурсе // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 2. С. 120–128. EDN: [SERCML](#).
- История советского уголовного права (1917–1947) / науч. ред. А.А. Герцензон. М.: Юриздат, 1948. 465 с.
- Рогалева Н.В. Уголовно-правовая политика Советского государства в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кузбасского института. 2011. № 2. С. 4–8. EDN: [RWJROF](#).
- Шелегов Ю.В. Уголовная политика СССР в годы Великой Отечественной войны // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 6. С. 239–244. EDN: [KAQGJG](#).
- Епифанова Е.В. Изменения в уголовном законодательстве в период Второй мировой войны // Очерки новейшей криминалистики. 2020. № 1. С. 26–31. EDN: [BNJBMС](#).
- Звонарев А.В., Пашенцев Д.А. Чрезвычайное законодательство как средство регулирования общественных отношений в первый месяц Великой Отечественной войны // Образование и право. 2020. № 5. С. 342–348. EDN: [GHPPTS](#).
- Блинова В.В. Борьба со спекуляцией в годы Великой Отечественной войны (историко-правовой анализ) // Образование. Наука. Научные кадры. 2019. № 3. С. 19–22. DOI: [10.24411/2073-3305-2019-10122](#).
- Ермолович Я.Н. Развитие военно-уголовного законодательства в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Военно-исторический журнал. 2020. № 12. С. 13–17. EDN: [BVZQES](#).
- Berman H.J. Principles of Soviet Criminal Law // The Yale Law Journal. 1947. Vol. 56. № 5. P. 803–836. DOI: [10.2307/792959](#).
- Adams W. Capital punishment in imperial and Soviet criminal law // American Journal of Comparative Law. 1970. Vol. 18. P. 575–594.
- Solomon P.H. Criminalization and Decriminalization in Soviet Criminal Policy, 1917–1941 // Law & Society Review. 1981. Vol. 16. № 1. P. 9–43. DOI: [10.2307/3053548](#).
- Лелеков В.А., Бородин А.Д. Уголовно-правовая политика СССР в предвоенные, военные и послевоенные годы (1935–1960 гг.) // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2020. № 2. С. 194–200. EDN: [BRHCLD](#).
- Starosolsky G.V. Basic Principles of Soviet Criminal Law // North Carolina Law Review. 1950. Vol. 28. № 4. P. 359–374.
- Крашенинников П.В. Заповеди советского права: Очерки о государстве и праве военного и послевоенного времени. 1939–1961. М.: Статут, 2019. 376 с.
- Шахбазян С.В. Генезис законодательного определения преступления и категории преступлений по российскому уголовному законодательству // Юридические исследования. 2020. № 5. С. 35–62. DOI: [10.25136/2409-7136.2020.5.28845](#).
- Романов П.Е. Советское государство и рабочие Сибири в годы Второй мировой войны: принудительная стратегия социально-трудовой коммуникации // Историко-экономические исследования. 2018. Т. 19. № 3. С. 303–329. DOI: [10.17150/2308-2588.2018.19\(3\).303-329](#).

REFERENCES

- Skorobogatov A.V., Krasnov A.V. *Pravovaya realnost tranzitivnogo obshchestva: diskurs i narrativ* [Legal reality of a transitive society: discourse and narrative]. Sankt Petersburg, Aleteya Publ., 2024. 552 p.
- Aryamov A.A. Byzantism in the genesis of the Russian criminal law. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2023, vol. 14, no. 1, pp. 8–14. EDN: [WLQLXR](#).
- Markuntsov S.A. Historical features of origin of primary criminal prohibitions. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2014, no. 1, pp. 132–142. DOI: [10.12737/1825](#).
- Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N. Criminal-legal prohibitions in the Soviet juridical discourse. *Aktualnye problemy ekonomiki i prava*, 2014, no. 2, pp. 120–128. EDN: [SERCML](#).
- Gertsenzon A.A., ed. *Istoriya sovetskogo ugovnogo prava (1917–1947)* [History of Soviet criminal law (1917–1947)]. Moscow, Yurizdat Publ., 1948. 465 p.
- Rogaleva N.V. Criminal law policy of the Soviet state in the years of the Great Patriotic War. *Vestnik Kuzbasskogo instituta*, 2011, no. 2, pp. 4–8. EDN: [RWJROF](#).
- Shelegov Yu.V. Criminal policy of the USSR in the years of the Great Patriotic War. *Nauchnyy*

- dayzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, 2020, no. 6, pp. 239–244. EDN: [KAQGJG](#).
8. Epifanova E.V. Changes in criminal law during the Second World War. *Ocherki noveyshey kameralistiki*, 2020, no. 1, pp. 26–31. EDN: [BNJBMС](#).
 9. Zvonarev A.V., Pashentsev D.A. Emergency legislation as a means of regulating public relations in the first month of the Great Patriotic War. *Obrazovanie i pravo*, 2020, no. 5, pp. 342–348. EDN: [GHPPTS](#).
 10. Blinova V.V. The fight against speculation during the Great Patriotic War (historical and legal analysis). *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry*, 2019, no. 3, pp. 19–22. DOI: [10.24411/2073-3305-2019-10122](#).
 11. Ermolovich Ya.N. Progress in military penal legislation during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Voenno-istoricheskii zhurnal*, 2020, no. 12, pp. 13–17. EDN: [BVZQES](#).
 12. Berman H.J. Principles of Soviet Criminal Law. *The Yale Law Journal*, 1947, vol. 56, no. 5, pp. 803–836. DOI: [10.2307/792959](#).
 13. Adams W. Capital punishment in imperial and Soviet criminal law. *American Journal of Comparative Law*, 1970, vol. 18, pp. 575–594.
 14. Solomon P.H. Criminalization and Decriminalization in Soviet Criminal Policy, 1917–1941. *Law & Society Review*, 1981, vol. 16, no. 1, pp. 9–43. DOI: [10.2307/3053548](#).
 15. Lelekov V.A., Borodin A.D. Criminal policy in the USSR in the pre-war, war and post-war years (1935–1960). *Vestnik Voronezhskogo instituta FSIN Rossii*, 2020, no. 2, pp. 194–200. EDN: [BRHCLD](#).
 16. Starosolsky G.V. Basic Principles of Soviet Criminal Law. *North Carolina Law Review*, 1950, vol. 28, no. 4, pp. 359–374.
 17. Krashennnikov P.V. *Zapovedi sovetskogo prava: Ocherki o gosudarstve i prave voennogo i poslevoennogo vremeni. 1939–1961* [Commandments of Soviet law: Essays on the state and law of war and post-war times. 1939–1961]. Moscow, Statut Publ., 2019. 376 p.
 18. Shakhbazyan S.V. Genesis of the legislative definition of crime and category of crimes in accordance with the Russian criminal law. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2020, no. 5, pp. 35–62. DOI: [10.25136/2409-7136.2020.5.28845](#).
 19. Romanov R.E. Soviet state and Siberian workers during the Second World War: forced strategy of social and labor communication. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2018, vol. 19, no. 3, pp. 303–329. DOI: [10.17150/2308-2588.2018.19\(3\).303-329](#).

The development of Soviet penal prohibitions during the Great Patriotic War

© 2024

Andrey V. Skorobogatov^{*1}, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor of Chair of Theory of State and Law and Public Law Disciplines
*Nikolay N. Rybushkin*², PhD (Law), Associate Professor, professor of Chair of Theory of State and Law and Public Law Disciplines

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan (Russia)

*E-mail: skorobogatov@ieml.ru,
av.skorobogatov@mail.ru

¹ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9139-5367>

²ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4878-724X>

Received 18.04.2024

Accepted 16.09.2024

Abstract: The paper covers the study of criminal law regulation during the Great Patriotic War in the historical and legal context. The purpose of the work is to form scientifically substantiated knowledge about the features of the development of the system of penal prohibitions in Soviet law during the Great Patriotic War. Based on the constructivist paradigm, the authors study the process of transformation of penal prohibitions in wartime, highlighting the role of not only legislative but also executive and judicial bodies in this process. The conducted study allowed concluding that the transformation of criminal law regulation equally affected the general and special parts of this branch of law. However, the changes were caused both by the needs of martial law and by the transformation of criminal law shortly before the war, which was associated with the proclaimed by the Constitution of the USSR of 1936 transition to regulating this branch of law not at the republican, but at the all-Union level. In the legal doctrine and the general part of criminal law, the changes concerned primarily the criminalization of civil and labor relations, the expansion of the limits of criminal law regulation, in particular the emergence of new objects of criminal defense, and the clarification of the list of special subjects of criminal law for whom increased measures of criminal liability were established. With regard to the special part of criminal law, the changes were more specific in nature due to the need to mobilize all material and human resources to defeat the enemy and ensure law and order and public safety.

Keywords: penal prohibition; Soviet penal prohibition; Soviet law; the Great Patriotic War; legal reality; criminal law regulation; construction of prohibitions; criminalization.

For citation: Skorobogatov A.V., Rybushkin N.N. The development of Soviet penal prohibitions during the Great Patriotic War. *Jus strictum*, 2024, no. 3, pp. 20–26. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-3.

Злоупотребление правом, неравноценность встречного исполнения, искусственная задолженность в контексте оспаривания сделок должника в рамках процедуры банкротства

© 2024

Чуклова Елена Валериевна*^{1,3}, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс»

Бабич Александр Викторович², арбитражный управляющий

¹Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

²Саморегулируемая организация «Ассоциация арбитражных управляющих "Содружество"», Санкт-Петербург (Россия)

*E-mail: elenachuklova@mail.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9624-4787>

Поступила в редакцию 13.08.2024

Принята к публикации 03.09.2024

Аннотация: Неоднозначность толкования норм, применяемых при оспаривании сделок в рамках возбужденного дела о банкротстве, и отсутствие в них четких критериев оснований оспаривания сделок должника обуславливает целесообразность глубокого комплексного теоретического исследования таких категорий, как злоупотребление правом, неравноценность встречного исполнения, искусственная задолженность. Проведенный анализ судебной практики позволил сделать вывод о том, что недействительные сделки должника, совершенные при злоупотреблении правом, с целью создать искусственную задолженность или с неравноценным встречным исполнением, выявляются по признакам, пусть и основанным на личном убеждении судьи, но все же позволяющим установить их с высокой степенью достоверности. К таким признакам, в частности, относятся: экономическая нецелесообразность сделки, когда должник, к примеру, при наличии финансовых затруднений, продал основные средства производства, чем лишил себя основного вида деятельности и получения прибыли; перечисление должником денежных средств транзитом через дружественные организации, вернувшихся должнику уже в виде займа от подконтрольной организации; получение займа наличными денежными средствами от физических лиц, не имеющих финансовой возможности предоставления займа; отсутствие возможности у поставщика поставить товар, за который сформировалась задолженность у должника; отсутствие в бухгалтерской отчетности должника и его контрагента сведений о сделке и др. Авторы считают, что отсутствие оснований ответственности за намеренные действия по созданию искусственной задолженности и злоупотребление правом, отсутствие четких критериев равнозначности встречного исполнения приводят к тому, что недобросовестные участники экономического оборота получают необоснованную выгоду. В связи с этим предлагается более четко обозначить в законе специальные основания оспаривания сделок должника по намеренному созданию искусственной кредиторской задолженности, выводу активов должника, а также установить основания ответственности и последствия для недобросовестных лиц.

Ключевые слова: оспаривание сделок должника; злоупотребление правом; неравноценность встречного исполнения; искусственная задолженность; оспоримые сделки; подозрительные сделки; сделки с предпочтением.

Для цитирования: Чуклова Е.В., Бабич А.В. Злоупотребление правом, неравноценность встречного исполнения, искусственная задолженность в контексте оспаривания сделок должника в рамках процедуры банкротства // Jus strictum. 2024. № 3. С. 27–33. DOI: 10.18323/3034-2945-2024-3-58-4.

ВВЕДЕНИЕ

С момента принятия Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» от 26.10.2002 № 127-ФЗ (далее – Закона о банкротстве) прошло более двадцати лет, и введенные им категории не раз становились предметом научных изысканий. Закон о банкротстве был призван регламентировать процедуру признания банкротом, с чем он в основной своей части справился, но пробелы в правовом регулировании, вступление в силу в 2015 г. норм о банкротстве физических лиц, внесение иных изменений показали, что имеющиеся пробелы и коллизии используются недобросовестными участниками как способы ухода от оплаты задолженности и сохранения имущества, вывода активов в преддверии процедуры банкротства, завладения чужим бизнесом. Указанное требует адекватных мер защиты прав как кредиторов, так и должника. Проблемы могут воз-

никнуть у физических лиц при заключении сделок купли-продажи имущества у другого физического лица: хотя оно и гарантирует в договоре, что не имеет задолженности более пятисот тысяч рублей, но фактически задолженность может «всплыть», продавец может быть признан несостоятельным, добросовестный покупатель – недобросовестным, сделка купли-продажи – недействительной. В перечисленных случаях добросовестный контрагент, юридическое или физическое лицо, имеет возможность защищать свои права через включение в реестр требований кредиторов, однако это не означает однозначного получения возврата переданного по сделке как следствие применения реституции.

На данный момент в отношении таких категорий, как злоупотребление правом, неравнозначность встречного исполнения, искусственная задолженность, отсутствует единство мнений.

Исследование порядка оспаривания сделок должника в рамках возбужденного дела о банкротстве встречается в научной литературе, как российской, так и иностранной. Так, в зарубежной науке оспаривание сделок рассматривается в контексте корпоративной несостоятельности, основанной на предпосылке, что ко всем сторонам, на которые распространяется действие законодательства о банкротстве, следует относиться как к равным, а также анализируются причины, по которым законодательство относится критически к сделкам по заниженной стоимости и сделкам, имеющим преимущественный эффект [1]. В зарубежной литературе исследуются проблемы неплатежеспособности в контексте глобальной экономики, в т. ч. вопросы, связанные с судебной юрисдикцией, и проблемы определения применимого права [2; 3]. Имеются работы, посвященные анализу приобретения имущества у стороны, которая либо является неплатежеспособной, либо находится под угрозой неплатежеспособности, затрагивающие вопросы, касающиеся сроков оспаривания приобретения [4]. В этих работах исследуются схожие по тематике с настоящим исследованием проблемы, возникающие, когда должник, находящийся под угрозой неплатежеспособности, распоряжается ценным имуществом или обременяет его, что может привести к невозможности удовлетворить требования кредиторов. В случае банкротства должника право обжаловать действие, касающееся причинения вреда кредиторам, реализует управляющий банкротством. Автор приходит к выводу, что оценка риска покупателя недвижимости должна учитывать санкции в области гражданского и специального законодательства о банкротстве, а также риски, предусмотренные уголовным законодательством [4].

Рассматриваются вопросы института недействительности сделок по специальным правилам, исследуется соотношение категории «сделка» по закону о банкротстве и общие правила о сделках, предусмотренные Гражданским кодексом РФ (далее – ГК РФ) [5]. Ряд авторов исследуют проблемы идентификации сделок, совершенных со злоупотреблением правом, и приходят к выводам о том, что специальное законодательство о банкротстве не содержит положений, касающихся оснований для отказа во включении требований кредиторов в реестр, что существенно затрудняет правоприменение [6]. Особое направление научных исследований представляют собой работы, посвященные анализу споров, когда актив должника выбывает из имущественной массы должника в результате цепочки сделок. Авторы делают выводы, что как только в этой цепочке появляется добросовестный и независимый контрагент, то его интересы противопоставляются интересам коллектива независимых кредиторов. В таком случае положение данных категорий лиц является равноценным, а потому их интересы подлежат тождественной защите в рамках виндикационного механизма [7]. В [8] рассматриваются основные подходы российской доктрины и судебной практики к вопросу недействительности внутригрупповых обеспечительных сделок при несостоятельности и делаются выводы о наличии диспропорционального регулирования и толкования норм относительно сделок так называемого перекрестного обеспечения. В [9] исследуются проблемные вопросы применения ст. 61.7 Закона о банкротстве в части отка-

за в оспаривании сделок и последствий применения такого отказа, делаются выводы о возможности применения отказа в оспаривании сделки в рамках внеконкурсного оспаривания сделок и применения ст. 61.7 по инициативе суда, предлагается дифференцировать последствия применения ст. 61.7 в зависимости от добросовестности контрагента по сделке.

Ряд работ посвящены анализу правовой защиты от создания искусственной задолженности. Например, в [10] авторы формулируют критерии определения безденежности расписки для последующей правовой защиты участника сделки (заемщика) от недобросовестности действий со стороны заимодавца. В [11; 12] исследуются различные аспекты понижения очередности требования в контексте принципа добросовестности, обосновывается идея о том, что требования аффилированных с должником лиц, представивших заем на нерыночных условиях, являются обоснованными, но требуют понижения их очередности при удовлетворении. Анализируя признаки и виды фиктивной задолженности, авторы [13] делают выводы о том, что создание фиктивной задолженности является умышленным имущественным правонарушением, для которого характерно как отсутствие встречного предоставления, так и формирование долга в целях незаконного получения преимуществ. Авторы [14] выявляют признаки, указывающие на недобросовестность лиц, осуществлявших действия от имени лиц, в отношении которых осуществляется процедура банкротства, или непосредственно находящихся в процессе банкротства.

Проведенный анализ литературы свидетельствует об отсутствии единства мнений в отношении таких категорий, как злоупотребление правом, неравнозначность встречного исполнения, искусственная задолженность.

Цель исследования – анализ проблем правового регулирования института оспаривания сделок должника ввиду отсутствия закрепления в действующем законодательстве содержания таких категорий, как «злоупотребление правом», «неравноценность встречного исполнения», «искусственная задолженность».

МЕТОДИКА ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Нормы специального законодательства о банкротстве, образующие институт оспаривания сделок в рамках возбужденного производства о несостоятельности (банкротстве), были проанализированы в контексте имеющихся проблем оспаривания сделок должника с учетом отсутствия в законодательстве положений, определяющих содержание таких категорий, как «злоупотребление правом», «неравноценность встречного исполнения», «искусственная задолженность». Авторы сопоставляют основания оспаривания сделок как специального института с общегражданскими основаниями оспаривания, критически разбирая предложенный законодателем механизм оспаривания сделок должника. Нормы законодательства о банкротстве подвергнуты критическому анализу с позиций системного подхода к регулированию института оспаривания сделок с целью выявления положений, регламентация которых отсутствует, что отрицательно сказывается на правоприменении.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Проблема соотношения прав кредиторов и должника в контексте злоупотребления правом

В российской правоприменительной практике существует проблема злоупотребления правом со стороны недобросовестных кредиторов. В гл. III.1 «Оспаривание сделок должника» Закона о банкротстве перечислены основания оспаривания подозрительных сделок должника и сделок с предпочтением. По мнению некоторых авторов, создание несуществующей кредиторской задолженности не квалифицируется судом как недействительная сделка [15], но такие сделки на практике встречаются часто. Искусственная кредиторская задолженность в любом случае создается с согласия должника, иначе она не может быть подтверждена данными бухгалтерской отчетности, первичными документами. Цель создания такой задолженности очевидна: она дает возможность недобросовестному кредитору получить контроль за голосованием на собрании кредиторов и за выводом средств должника при распределении имущества между кредиторами, что однозначно говорит о получении выгоды должником, ведь он (или лица, контролирующие должника) в большинстве случаев является конечным получателем средств через таких кредиторов. Закрепление специальных оснований установления и оспаривания недействительных сделок должника в Законе о банкротстве является определенной гарантией для сторон сделки, которая совершена в период подозрительности (шесть месяцев до даты возбуждения процедуры банкротства в отношении должника), но такая гарантия не защищает права кредиторов должника, поскольку в этот период они не имели возможность пересмотреть сделку. Указанное свидетельствует о необходимости предоставления больших возможностей для кредиторов в делах о банкротстве, а также дополнительных гарантий контрагентам должника в случае введения процедуры банкротства.

Затрагивая законность введения процедуры банкротства, необходимо помнить и о защите прав самого должника. Президиум Верховного суда РФ в «Обзоре судебной практики разрешения споров о несостоятельности (банкротстве)» от 15.05.2024 ориентирует суды наиболее полно защищать интересы физических лиц – как кредиторов, так и должников. К сопоставлению защиты прав должника и прав кредиторов суд должен подходить с осторожностью, разумно применяя тенденции развития специального законодательства о банкротстве. В настоящее время все чаще суды отходят от стереотипов классификации недействительных сделок должника только по специальным основаниям и все активнее применяют совокупность общегражданских и специальных оснований¹. Тем не менее для квалификации, например, сделки как ничтожной по ст. 10 и 168 ГК РФ требуется выявление нарушений, выходящих за пределы диспозиции ч. 2 ст. 61.2 Закона о банкротстве. Однако, по мнению авторов, очевидно, что оспаривание сделок должника необходимо осуществлять именно в рамках процедуры банкротства, по заявлениям в от-

дельных обособленных спорах, потому что именно такой способ оспаривания сделок должника обеспечивает защиту интересов всех заинтересованных лиц.

На практике приходится сталкиваться с ситуациями принятия судами к производству заявлений об оспаривании сделок должника вне рамок процедуры банкротства, в отдельных судебных спорах, по общегражданским основаниям в соответствии с ГК РФ и федеральными законами «Об акционерных обществах», «Об обществах с ограниченной ответственностью»². П. 1 ст. 61.2 и п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве устанавливает, что специальные основания положений указанного закона применяются при оспаривании сделок должника, когда сторона сделки знала о признаках неплатежеспособности контрагента, однако пошла на незаконную сделку, которая ухудшила положение должника. Согласно п. 4 ст. 142 Закона о банкротстве, негативным последствием по таким сделкам является то, что требования таких кредиторов будут удовлетворяться за счет имущества должника, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр. Все хозяйственные сделки субъектов при обычной финансовой и хозяйственной деятельности юридических лиц направлены на извлечение коммерческой выгоды, но в случаях ведения процедуры банкротства выявляются и оспариваются сделки именно как нарушающие права кредиторов, а оспаривание имеет целью пополнение конкурсной массы, поэтому посредством специальных оснований Закона о банкротстве с помощью механизма оспаривания сделок должника выявляются случаи злоупотребления правом при заключении сделок. В связи с этим законодательное расширение прав кредиторов в процедурах банкротства, обжалующих сомнительные сделки должника, направлено на защиту прав кредиторов, самого должника и других заинтересованных лиц, что возможно при оспаривании сделок в рамках обособленных споров именно в процедурах банкротства. Именно в процедуре банкротства все участники процесса и заинтересованные лица имеют право и возможность защитить свои интересы, а, как известно, защита прав и интересов всех сторон и есть цель и задача в процедурах банкротства.

Оценка неравноценности встречного исполнения в контексте оспаривания сделок должника

Гл. III.1 Закона о банкротстве определяет основания, сроки и порядок признания сделок должника недействительными (оспоримыми) и рассматривает подозрительные сделки и сделки с предпочтением. Однако в указанном законе отсутствует четкое определение неравноценности встречного исполнения, что является причиной определенных сложностей при рассмотрении исков об оспаривании сделок. Четкая формулировка понятия неравноценности прекратила бы разночтения по установлению необходимого условия предела стоимости (и/или процента от стоимости), существенно ухудшающего положение должника по отношению

¹ Постановление 15 ААС от 1 июля 2022 г. по делу № А53-9802/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/uDRbQIy9d06W/>.

² Определение СК по экономическим спорам Верховного суда РФ от 30 января 2020 г. № 306-ЭС19-18285 по делу № А65-27181/2018 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/73493239/paragraph/28:15>.

к сделкам, совершаемым должником, в обычных условиях, например цены, отличающиеся не более чем на 15 или 20 % от цены обычных сделок. Расшифровка законодателем понятия неравноценности позволила бы уменьшить рассмотрение заявлений об оспаривании сделок должника в процедуре банкротства, которые по сути своей являются обычными хозяйственными сделками и лишь косвенно подпадают под признаки оспаривания. Законом о банкротстве предусмотрены особые основания оспаривания недействительных сделок должника, которые дополняют общие гражданские основания и средства регулирования, создают больше гарантий участникам процедуры банкротства и всем заинтересованным лицам, а суды все чаще принимают заявления кредиторов об оспаривании сделок.

В каждом конкретном случае неравноценность встречного исполнения квалифицируется по усмотрению суда в силу отсутствия дефиниции в законодательстве. Коммерческие организации создаются исключительно с целью извлечения прибыли, поэтому приобретение товара, например, по более низкой, чем рыночная, цене, принесет выгоду при последующей реализации этого товара по более высокой цене или повлияет на снижение затрат при производстве готовой продукции. С другой стороны, сделка по приобретению товара по более низкой цене с большей степенью вероятности будет оспорена в рамках банкротства несостоятельного контрагента и, как следствие, может быть признана подозрительной. В связи с этим при заключении договоров с контрагентами возникает вопрос: какая именно цена договора должна быть установлена, чтобы указанная сделка не была признана подозрительной в будущем? В судебной практике используются различные подходы: отклонение от рыночной цены³, кратность превышения рыночной цены над ценой продажи, по критериям, указанным в ст. 40 Налогового кодекса Российской Федерации⁴. В литературе внимание акцентируется на экономической нецелесообразности сделки [16–18], а также на возможности признать такую сделку притворной [19]. Притворные и подозрительные сделки имеют сходство в том, что в обоих случаях необходимо определение действительной рыночной стоимости для определения пределов равноценности.

Контроль за искусственной задолженностью в контексте оспаривания сделок должника

Изменения в законодательстве существенно сократили контролируемые банкротства, инициированные самими должниками, но увеличили контролируемые банкротства, инициированные дружественными или искусственными конкурсными кредиторами. На практике это выглядит так: по искусственному договору подряда должник должен искусственному кредитору

два миллиона рублей. В соответствии с законодательством о банкротстве, при достижении такого размера задолженности возможно начинать процедуру банкротства. Указанный кредитор получает решение суда и возбуждает исполнительное производство, затем подает сообщение в Единый федеральный реестр сведений о банкротстве (ЕФРСБ) о намерении подать в суд заявление о признании должника банкротом, далее направляет заявление в арбитражный суд о признании должника банкротом, в котором указывает саморегулируемую организацию (СРО) и арбитражного управляющего. Существенным моментом в данном случае являются и судебные решения судов общей юрисдикции, на основании которых, например, физическое лицо инициирует процедуру банкротства (или включается в реестр). Поскольку нет достаточно открытой информации в системе «ГАС Правосудие», а часть даже открытой по итогам рассмотрения дела информации закрыта, то суды общей юрисдикции становятся полем деятельности искусственных кредиторов с целью получения судебного решения, а после вступления этого решения в законную силу – инициирования процедуры банкротства.

Чтобы контролировать процедуру банкротства, необходимо создание контролирующего процента голосов на собрании кредиторов, что позволит принимать необходимые решения и блокировать предложения других кредиторов, т. е., по сути, определять ход процедуры банкротства. Другими словами, основные вопросы, относящиеся к компетенции первого собрания кредиторов должника, а также другие важные вопросы в ходе конкурсной процедуры, такие как определение порядка, сроков и условий реализации имущества должника, будут приниматься так, как выгодно контролирующему лицу, либо будет блокироваться то, что было бы выгодно добросовестным кредиторам. Таким образом, контроль за процедурой банкротства со стороны искусственных или дружественных кредиторов существенно нарушает права добросовестных кредиторов и делает практически невозможным для них хоть как-то влиять на процедуру. Контроль за процедурой со стороны искусственного или дружественного кредитора необходим для решения самого важного вопроса по выводу активов должника и получения удовлетворения своих требований, включенных в реестр, либо он позволяет рассчитывать на выплату по текущим платежам. К примеру, искусственный кредитор инициировал процедуру банкротства, заявил о назначении СРО и арбитражного управляющего, далее введена процедура наблюдения, назначен арбитражный управляющий, кредиторы включаются в реестр. При рассмотрении требований кредитора, установленных решением суда, вступившим в законную силу, возражения арбитражного управляющего не принимаются, потому что обстоятельства, установленные этим судебным решением, другим судом принимаются без дополнительного доказывания. Кредиторы, в свою очередь, не наделены правом заявлять возражения на требования, которые вносятся в реестр на стадии наблюдения. Оспаривать сделки должника в наблюдении по специальным основаниям Закона о банкротстве запрещено и временному управляющему. По результатам процедуры наблюдения искусственные и дружественные кредиторы, имеющие в совокупности большинство голосов, имеют право

³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 5 октября 2021 г. № 09АП-56835/21 по делу № А40-216512/2016 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/64676041/paragraph/46:0>.

⁴ Постановление Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 15 ноября 2021 г. № 12АП-9604/21 по делу № А12-22974/2017 // Гарант: информационно-правовое обеспечение. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/64728030/paragraph/1:0>.

выбирать СРО и арбитражного управляющего, а сам временный управляющий в отчете о проведении процедуры наблюдения указывает на отсутствие признаков фиктивного банкротства, поскольку процедура введена по заявлению кредитора. После введения конкурсного производства несуществующие, но включенные в реестр требований кредиторы законно, пропорционально проценту требований получают средства на удовлетворение искусственной задолженности, а поскольку у должника, как правило, имущества недостаточно, то добросовестные кредиторы, как правило, не получают полного удовлетворения своих требований или вообще не получают удовлетворения. Если искусственный кредитор еще и признан залоговым, то шансы на удовлетворение требований добросовестных кредиторов, по мнению некоторых авторов, снижаются до нуля [20]. Лица, контролирующие должника, будут привлечены к субсидиарной ответственности, но, как показывает практика, такие лица, как правило, не располагают средствами для исполнения обязательств в рамках привлечения к субсидиарной ответственности⁵. Вывод денежных средств должника через искусственных и/или дружественных кредиторов по текущим требованиям, особенно через удовлетворение требований подконтрольных лиц первой и второй очереди реестра требований кредиторов, приводит к полному отсутствию удовлетворения законных требований добросовестных кредиторов третьей очереди и является прямым выводом денежных средств, учитывая, что в деле о банкротстве имеется только абстрактная возможность полного удовлетворения требований конкурсных кредиторов третьей очереди за счет имущества должника⁶. Цель недобросовестного должника и его недобросовестных контрагентов по формированию искусственной кредиторской задолженности заключается в распределении и выводе части денежных средств должника, сформированной для погашения требований кредиторов должника и текущей задолженности, на искусственных и/или дружественных кредиторов, и такая цель будет достигнута, если кредиторам и заинтересованным лицам не будет предоставлено право оспаривать сделки именно в процедуре банкротства, в рамках обособленных споров.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Добросовестный приобретатель, заключая сделку с будущим должником, как правило, не знает о плачевном состоянии дел своего контрагента. Через некоторое время управляющим заявляется требование о недействительности сделки, при этом добросовестный приобретатель даже не догадывается, что в отношении контрагента по сделке уже давно введена процедура банкротства. Указанное приводит к нарушению прав добросовестной стороны, поскольку, если сделка будет призна-

на недействительной, она должна будет вернуть имущество должнику, взамен ее требования включат в реестр требований кредиторов. Если в качестве примера такой сделки взять сделку по продаже должником перед своим банкротством единственного жилья, которое для покупателя также становится единственным жильем, то понятно, что на покупателя в данном случае имущество не распространяется. После включения покупателя в реестр требований кредиторов и при реализации этого же жилья он может получить из конкурсной массы незначительное удовлетворение, если же жилье будет исключено из конкурсной массы как единственное жилье должника, то покупатель просто остается ни с чем.

Имеющиеся специальные основания оспаривания сделок должника работают надлежащим образом только при защите от противоправного поведения недобросовестных сторон сделок. Для добросовестных контрагентов желаемых правовых результатов не наступает. Так, оспаривание сделки на основании п. 2 ст. 61.2 и п. 3 ст. 61.3 Закона о банкротстве имеет для добросовестных контрагентов последствия в виде удовлетворения их требований после удовлетворения требований кредиторов третьей очереди. Требования добросовестного контрагента, который не знал и не мог знать о неплатежеспособности должника на основании п. 1 ст. 61.2 и п. 2 ст. 61.3 Закона о банкротстве, будут удовлетворены только в третью очередь. При оспаривании сделок должника вне рамок процедур банкротства и применении последствий недействительности сделок законодателем представляются более широкие возможности такого оспаривания арбитражному управляющему и ограничиваются права других участников процедуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, недобросовестные действия должника в преддверии банкротства порой носят настолько негативный характер, что их можно признать общественно опасными. Вывод активов, предпринимаемый недобросовестным должником и его контрагентами, выражается во множестве фактов и действий. Основным из них, которому законодатель не уделяет должного внимания, считаем создание несуществующей (искусственной) кредиторской задолженности, поскольку именно перечисленные недобросовестные действия нарушают баланс интересов лиц, участвующих в деле о банкротстве, нарушают права неопределенного круга лиц, создают препятствия к достижению целей и задач процедуры банкротства и в конечном итоге приводят к уменьшению размера погашения требований добросовестных кредиторов.

Отсутствие законодательного закрепления понятий «искусственная задолженность», «неравноценность встречного исполнения» в специальных нормах, закрепляющих основания оспаривания сделок, отсутствие четких критериев привлечения к ответственности за умеренные действия в ряде случаев не позволяет достичь целей введения банкротства, влечет получение необоснованной выгоды со стороны недобросовестных участников экономического оборота.

Четкое законодательное установление специальных оснований оспаривания сделок должника по намеренному

⁵ Решение Арбитражного суда Волгоградской области от 26 февраля 2024 г. по делу № А12-39165/2019.

URL: https://kad.arbitr.ru/Documents/Pdf/b7974e7b-1021-4f1e-b9fc-df5e2beb9298/c1426812-28e0-4ac0-b622-23115618762f/A12-39165-2019_20240226_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

⁶ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 1142/13 // Федеральные арбитражные суды: информационный сайт.

URL: https://arbitr.ru/materials/98751?path=%2Farchive%2Fpost_pres%2F.

созданию искусственной кредиторской задолженности, выводу активов, конкретно определенная ответственность и последствия для недобросовестных лиц будут способствовать защите нарушенных прав добросовестных кредиторов, помогут исключить у должников не только действия, но даже и желание создавать несуществующих кредиторов в преддверии и в процессе банкротства, сократят сроки процедуры конкурсного производства, укрепят баланс интересов участников процедуры банкротства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Mokal R. *Corporate Insolvency Law – Theory and Application*. Oxford: Oxford University Press, 2005. 384 p.
- Kirshner J.A. *International Bankruptcy: The Challenge of Insolvency in a Global Economy*. Chicago: University of Chicago Press, 2018. 288 p.
- Omar P. *International Insolvency Law: Reforms and Challenges*. UK: Routledge, 2017. 452 p.
- Gil P. Acquisition of real property from a party which is either insolvent or at risk of insolvency: issues relating to time limits for challenging real property acquisition // *Nieruchomosci@*. 2022. Vol. II. № II. P. 49–68. DOI: [10.5604/01.3001.0015.8598](https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.8598).
- Незнамова А.А. Особенности оспаривания сделок в процедуре банкротства // *Юрист*. 2023. № 6. С. 28–31. DOI: [10.18572/1812-3929-2023-6-28-31](https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-6-28-31).
- Гурылева К.И. Злоупотребление правом как основание для оспаривания сделок несостоятельного должника // *Вестник арбитражной практики*. 2021. № 6. С. 34–48. EDN: [UXPJOO](https://www.edn.ru/uxpjoo).
- Османова Д.О. Соотношение требований о взыскании и реституции при оспаривании сделок должника-банкрота // *Журнал предпринимательского и корпоративного права*. 2023. № 2. С. 16–21. EDN: [BYXOJX](https://www.edn.ru/byxojx).
- Воронов Ф.А. К проблеме оспаривания внутригрупповых обеспечительных сделок в процедурах банкротства // *Предпринимательское право*. 2023. № 4. С. 35–39. EDN: [BDYJIZ](https://www.edn.ru/bdyjiz).
- Изяев М.В. Отказ в оспаривании сделок должника в процессе банкротства: проблемы правоприменительной практики // *Имущественные отношения в Российской Федерации*. 2021. № 9. С. 66–75. DOI: [10.24412/2072-4098-2021-9-66-75](https://doi.org/10.24412/2072-4098-2021-9-66-75).
- Луценко С.И. Алгоритм признания расписки безденежной: правовая защита от искусственной кредиторской задолженности // *Современное право*. 2021. № 1. С. 61–65. DOI: [10.25799/NI.2021.84.73.010](https://doi.org/10.25799/NI.2021.84.73.010).
- Шевченко И.М. К вопросу о понижении очередности удовлетворения (субординации) требований кредиторов в делах о банкротстве // *Российский судья*. 2018. № 3. С. 10–14. EDN: [YVMVUW](https://www.edn.ru/yvmvuw).
- Ряполова О.А. Механизм субординации требований кредиторов в делах о банкротстве с позиции принципа добросовестности // *Журнал российского права*. 2022. Т. 26. № 3. С. 75–87. DOI: [10.12737/jrl.2022.030](https://doi.org/10.12737/jrl.2022.030).
- Ходаковский А.П. Фиктивная задолженность и противодействие ее включению в реестр требований при банкротстве // *Право и экономика*. 2021. № 8. С. 41–50. EDN: [SHOFWF](https://www.edn.ru/shofwf).
- Абросимов А.В. Применение принципа добросовестности при оценке сделок в рамках банкротства // *Российский судья*. 2023. № 12. С. 15–19. EDN: [RAANPM](https://www.edn.ru/raanpm).
- Аверина А.В. Особенности регулирования судопроизводства по делам о банкротстве // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. Т. 18. № 8. С. 64–76. DOI: [10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076).
- Рыков Д.А. Недействительные сделки несостоятельного должника: признаки злоупотребления правом при формировании искусственной кредиторской задолженности // *Юридические исследования*. 2018. № 11. С. 36–43. DOI: [10.25136/2409-7136.2018.11.27373](https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.11.27373).
- Батрова Т.А. Правовая оценка злоупотребления правом при совершении сделки: коллизии законодательства и правовые средства их разрешения // *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*. 2017. № 3. С. 47–53. EDN: [ZMQZQE](https://www.edn.ru/zmqzqe).
- Синицын С.А. Экономический смысл сделки: вопросы юридической квалификации // *Журнал российского права*. 2017. № 12. С. 110–121. DOI: [10.12737/article_5a200505a69d13.53090537](https://doi.org/10.12737/article_5a200505a69d13.53090537).
- Волков А.В. Принцип недопустимости злоупотребления гражданскими правами в законодательстве и судебной практике: анализ более 250 судебных дел о злоупотреблении правом. М.: Волтерс Клувер, 2011. 940 с.
- Кукин А.В., Плешанова О.П. Требования залогодержателей в делах о банкротстве: новые разъяснения ВС РФ // *Закон*. 2023. № 6. С. 113–125. DOI: [10.37239/0869-4400-2023-20-6-113-125](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-6-113-125).

REFERENCES

- Mokal R. *Corporate Insolvency Law – Theory and Application*. Oxford, Oxford University Press Publ., 2005. 384 p.
- Kirshner J.A. *International Bankruptcy: The Challenge of Insolvency in a Global Economy*. Chicago, University of Chicago Press Publ., 2018. 288 p.
- Omar P. *International Insolvency Law: Reforms and Challenges*. UK, Routledge Publ., 2017. 452 p.
- Gil P. Acquisition of real property from a party which is either insolvent or at risk of insolvency: issues relating to time limits for challenging real property acquisition. *Nieruchomosci@*, 2022, vol. II, no. II, pp. 49–68. DOI: [10.5604/01.3001.0015.8598](https://doi.org/10.5604/01.3001.0015.8598).
- Neznamova A.A. Specific features of transaction challenging in a bankruptcy procedure. *Yurist*, 2023, no. 6, pp. 28–31. DOI: [10.18572/1812-3929-2023-6-28-31](https://doi.org/10.18572/1812-3929-2023-6-28-31).
- Guryleva K.I. Abuse of law as a basis for challenging the transactions of an insolvent debtor. *Vestnik arbitrazhnoy praktiki*, 2021, no. 6, pp. 34–48. EDN: [UXPJOO](https://www.edn.ru/uxpjoo).
- Osmanova D.O. The ratio of claims for vindication and restitution in challenging transactions of bankrupt debtors. *Zhurnal predprinimatelskogo i korporativnogo prava*, 2023, no. 2, pp. 16–21. EDN: [BYXOJX](https://www.edn.ru/byxojx).
- Voronov F.A. On challenging intra-group security transactions in bankruptcy procedures. *Predprinimatelskoe pravo*, 2023, no. 4, pp. 35–39. EDN: [BDYJIZ](https://www.edn.ru/bdyjiz).
- Izyaev M.V. Refusal to challenge debtors' transactions in the bankruptcy procedures. *Imushchestvennyye*

- otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii*, 2021, no. 9, pp. 66–75. DOI: [10.24412/2072-4098-2021-9-66-75](https://doi.org/10.24412/2072-4098-2021-9-66-75).
10. Lutsenko S.I. Algorithm of recognition of the receipt cashless: legal protection from artificial accounts payable. *Sovremennoe pravo*, 2021, no. 1, pp. 61–65. DOI: [10.25799/NI.2021.84.73.010](https://doi.org/10.25799/NI.2021.84.73.010).
 11. Shevchenko I.M. On the issue of lowering the priority of satisfaction (subordination) of creditors' claims in bankruptcy cases. *Rossiyskiy sudya*, 2018, no. 3, pp. 10–14. EDN: [YVMVUW](https://edn.ru/YVMVUW).
 12. Ryapolova O.A. The subordination of claims in bankrupt cases from the point of good faith. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2022, vol. 26, no. 3, pp. 75–87. DOI: [10.12737/jrl.2022.030](https://doi.org/10.12737/jrl.2022.030).
 13. Khodakovskiy A.P. Fictitious debt and countermeasures against its inclusion in the register of claims in bankruptcy. *Pravo i ekonomika*, 2021, no. 8, pp. 41–50. EDN: [SHOFWF](https://edn.ru/SHOFWF).
 14. Abrosimov A.V. The application of the principle of good faith in the evaluation of bankruptcy transactions. *Rossiyskiy sudya*, 2023, no. 12, pp. 15–19. EDN: [RAAHPM](https://edn.ru/RAAHPM).
 15. Averina A.V. Peculiarities of the bankruptcy proceedings regulation. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2023, vol. 18, no. 8, pp. 64–76. DOI: [10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076](https://doi.org/10.17803/1994-1471.2023.153.8.064-076).
 16. Rykov D.A. Invalid transactions of insolvent debtor: signs of abuse of right when forming artificial credit debt. *Yuridicheskie issledovaniya*, 2018, no. 11, pp. 36–43. DOI: [10.25136/2409-7136.2018.11.27373](https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.11.27373).
 17. Batrova T.A. Legal assessment of the abuse of law in conducting transactions: conflicts of law and legal means for their resolution. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2017, no. 3, pp. 47–53. EDN: [ZMZQQF](https://edn.ru/ZMZQQF).
 18. Sinitsyn S.A. Economic sense of a transaction: legal qualification issues. *Zhurnal rossiyskogo prava*, 2017, no. 12, pp. 110–121. DOI: [10.12737/article_5a200505a69d13.53090537](https://doi.org/10.12737/article_5a200505a69d13.53090537).
 19. Volkov A.V. *Printsip nedopustimosti zloupotrebleniya grazhdanskimi pravami v zakonodatelstve i sudebnoy praktike: analiz bolee 250 sudebnykh del o zloupotreblenii pravom* [The Principle of Non-Abuse of Civil Rights in Legislation and Judicial Practice Analysis of More than 250 Cases of Abuse of Rights]. Moscow, Volters Kluver Publ., 2011. 940 p.
 20. Kukin A.V., Pleshanova O.P. Pledge creditors' claims in bankruptcy cases: the new guidelines of the Russian Supreme Court. *Zakon*, 2023, no. 6, pp. 113–125. DOI: [10.37239/0869-4400-2023-20-6-113-125](https://doi.org/10.37239/0869-4400-2023-20-6-113-125).

Abuse of right, unequal counter-execution, artificial debt in the context of challenging of debtor's transactions under bankruptcy proceedings

© 2024

Elena V. Chuklova^{*1,3}, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”
*Aleksandr V. Babich*², insolvency practitioner

¹Togliatti State University, Togliatti (Russia)

²Insolvency Practitioners Association “Sodruzhestvo”, Self-Regulating Organization, St. Petersburg (Russia)

*E-mail: elenachuklova@mail.ru

³ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9624-4787>

Received 13.08.2024

Accepted 03.09.2024

Abstract: The ambiguity of interpretation of the rules applied when challenging transactions within the framework of the initiated bankruptcy case and the absence of clear criteria for the grounds for challenging debtor's transactions determine the reasonability of a deep comprehensive theoretical study of such categories as abuse of rights, unequal counter-execution, and artificial debt. The conducted analysis of judicial practice allowed concluding that invalid debtor's transactions concluded with abuse of rights in order to create artificial debt or with unequal counter-execution are identified by signs, based on the personal conviction of a judge, but still allowing them to be established with a high degree of reliability. Such signs, in particular, include: economic inexpediency of a transaction, when, for example, in the presence of financial difficulties, the debtor sold the capital goods, thereby depriving himself of his main activity and profit; transfer of funds by the debtor in transit through friendly organizations, returned to the debtor in the form of a loan from a controlled organization; raising of a cash loan from individuals who do not have the financial ability to provide a loan; the supplier's inability to deliver goods for which the debtor has incurred a debt; the absence of information about the transaction in the accounting statements of the debtor and its counterparty, etc. The authors believe that the absence of grounds for liability for intentional actions to create artificial debt and abuse of rights, the absence of clear criteria for the equivalence of counter-execution lead to the fact that unfair participants in economic turnover receive an unjustified benefit. In this regard, the authors propose to define more clearly in the law special grounds for challenging debtor's transactions for the intentional creation of artificial credit debt, the withdrawal of debtor's assets, and to establish grounds for liability and consequences for unfair persons.

Keywords: challenging of debtor's transactions; abuse of right; unequal counter-execution; artificial debt; contentious transactions; suspicious transactions; transactions with preference.

For citation: Chuklova E.V., Babich A.V. Abuse of right, unequal counter-execution, artificial debt in the context of challenging of debtor's transactions under bankruptcy proceedings. *Jus strictum*, 2024, no. 3, pp. 27–33. DOI: [10.18323/3034-2945-2024-3-58-4](https://doi.org/10.18323/3034-2945-2024-3-58-4).

РЕЦЕНЗИЯ**на курс лекций «Криминалистика: краткий курс лекций для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция»****Е.С. Шуршаловой, С.Н. Смолькова****(Шуршалова Е.С. Криминалистика: краткий курс лекций для обучающихся по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция / Е.С. Шуршалова, С.Н. Смольков. – Саратов: Общество с ограниченной ответственностью «Амирит», 2023. – 179 с. – ISBN 978-5-00207-230-9)**

© 2024

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии,
докторант факультета искусств

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского,
Саратов (Россия)
Карлов университет, Прага (Чешская Республика)*

E-mail: shoshin.1931199@studenti.uniroma1.it,
serguei8@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2639-4429>

Поступила в редакцию 28.03.2024

Принята к публикации 11.07.2024

Выход в свет рецензируемого курса лекций по криминалистике вполне обоснованно можно отнести к числу значимых событий в российской юридической науке, особенно по отношению к ее криминалистическому сегменту. Стремление авторов указанной работы опубликовать ее в выбранной ими весьма инновационной структуре следует оценить с сугубо положительной точки зрения.

Авторами данной работы выступили обладающие значительным опытом практической службы (работы) по юридической (и смежным с ней) специальности (специальностям), известные научной общественности профессионалы, два кандидата юридических наук, работающие в настоящее время на соответствующих позициях в Поволжском кооперативном институте (филиале) автономной некоммерческой образовательной организации высшего образования Центросоюза Российской Федерации «Российский университет кооперации».

Структура рецензируемой работы включает в себя пять глав и библиографический список. Отсутствие в структуре курса лекций введения и заключения можно объяснить инновационной авторской идеей. Не столь часто в традиционном учебно-педагогическом процессе можно увидеть подобный подход [1]. Стоит отметить, что формально первая глава работы названа авторами «Введение в курс криминалистики». Здесь полемика может возникнуть при определении целесообразности именования ее главой или, собственно, введением.

Все имеющиеся в работе структурные элементы тесно логически связаны между собой. Материал изложен последовательно и обоснованно. Язык созданного авторами текста соответствует критериям, предъявляемым к академическому русскому языку. Тематика рецензируемой работы в полном объеме соответствует актуальной редакции научной специальности 5.1.4. Уголовно-правовые науки. Наглядно продемонстриро-

вано наличие высокого уровня компетенции авторов, хорошо оттеняемого некоторым отличием сфер их прежних научных интересов. Положения криминалистической науки оказались вполне востребованы специалистами и в конституционном, и в гражданском праве.

Базой для работы послужил прочный фундамент научных достижений криминалистической науки (как российской, так и зарубежной). Достойным является и теоретический и методологический инструментарий авторов работы. Наряду с собственно криминалистической теорией, анализу подвернуты и вопросы судебной экспертной деятельности (экспертологии) и оперативно-розыскной деятельности. Работа не содержит ограничительных гриффов. Из материала работы видно, что и сегодня продолжается процесс сближения криминалистики с науками как естественного, так и инженерно-технологического направлений. Физика, химия, биология составляют далеко не исчерпывающий перечень таких траекторий актуального междисциплинарного взаимодействия.

Вместе с тем в работе поднимаются и некоторые вопросы, способные вызвать определенную научную полемику. Это, в частности, можно увидеть в постановке проблемных теоретических вопросов, в анализе и публичном обсуждении разных, порой диаметрально противоположных точек зрения. Характерным примером такой полемики, в частности, можно назвать работу О.П. Виноградовой [2].

Теоретическое осмысление вплоть до философского анализа способно вызвать неоднократное использование авторами конструкции «практика борьбы с преступностью». В подобной ситуации вполне возможно рекомендовать иную формулировку: «противодействие преступности». Этому спорному моменту посвящено достаточное количество публикаций. Здесь главным

образом можно отметить сложность констатации победы одной из сторон взаимодействия государства с преступностью за всю многовековую историю человечества. И, соответственно, сложно именовать такую длительную процедуру, не закончившуюся чьей-то победой, именно борьбой. Концепт «противодействие», на наш субъективный взгляд, более соответствует истине.

Судебная ветвь власти традиционно предполагается отделенной от иных ветвей власти. Использование криминалистических познаний в деятельности судебной ветви власти по уголовным делам, в частности, подробно анализируется в работах С.Л. Кисленко [3]. Ссылка на публикации этого ученого, несомненно, в значительной степени способна обогатить инновационными положениями рецензируемое издание. Предполагается, что при последующем переиздании такие дополнения станут доступными для публики. В подтверждение этого можно сослаться на актуальность учета достижений саратовской научной криминалистической школы, к числу авторитетных представителей которой можно отнести и С.Л. Кисленко. С учетом весьма продолжительных связей авторов указанного курса лекций с Саратовской государственной юридической академией [4], подобная ситуация может оказаться весьма вероятной.

С другой стороны, криминальным сегментом сфера применения криминалистической теории сегодня не ограничена. Например, обоснованно высказываются мнения о корреляции достижений криминалистики со сферой применения, в частности, гражданского процесса¹. Имеют место и совершенно правомерные точки зрения об актуальности использования криминалистической теории в деятельности частных детективов [5]. Интересные точки зрения высказываются в отношении развития науки военной криминалистики, что во многом обусловлено реалиями современной общественной жизни². Перспективно упомянуть и значение криминалистики в деятельности адвокатов по выполнению соответствующих профессиональных функций [6].

Говоря об актуальности разработки общих методологических основ криминалистики, можно рекомендовать указать на широкий спектр траекторий исследований данной научной проблематики. Весьма оригинальной в указанном отношении может быть признана работа О.А. Крестовникова [7]. Указание на целесообразность имплементации ценностных категорий правового государства в теорию и практику современной российской криминалистики также, на взгляд рецензента, способно придать рукописи инновационный характер [8].

Вполне ожидаемым можно считать значительное внимание авторов издания и к вопросам взаимодействия теории криминалистики с административным правом. Этот сегмент науки, к сожалению, еще весьма далек от исчерпывающего научного анализа. Схожая ситуация наблюдается и в вопросах взаимосвязи криминалистики с военным правом. Современные реалии общественных отношений зачастую предполагают

формирование новых, неординарных концепций развития научной теории [8].

При анализе понятия «язык науки криминалистики» можно указать не только на не утратившие и сегодня актуальность публикации по данной научной тематике, например работы О.А. Малютиной³, но и публикацию Н.В. Хисматулиной, оригинально избравшей для исследования анализ перспектив развития речевой деятельности на английском языке лиц, изучающих криминалистику в высших специализированных учебных заведениях⁴. В итоге от общего представления о едином понимании языка криминалистики в отечественной науке как детерминированном нормами русского языка, мы можем продвинуться в сторону компаративистской практики. С позиций анализа терминологии французского языка, применяемого в современной криминалистической теории, интересной можно назвать и работу Е.В. Трушиной⁵. В работах Е.В. Шишкиной⁶ и Н.Л. Шамне проанализированы термины и подходы, свойственные современной немецкой криминалистической науке (на примере тактической ситуации, обусловленной допросом) [9]. Наглядным представляется вывод М.Е. Игнатъева [10], отмечающего по итогам проведенного им интервьюирования персонала российских правоохранительных органов, что лишь 23,6% из их числа осведомлены о существовании языка криминалистики. В силу специфики ситуации можно считать актуальным использование при преподавании криминалистики в учебных заведениях расширенный анализ языка данной науки.

С позиций современного языка российской криминалистики интересно рассмотреть используемую авторами рецензируемого краткого курса лекций аббревиатуру «ЭВМ» (электронно-вычислительные машины), понятие электронно-вычислительной техники. Сегодня вместо них преимущественно используются иные словарные конструкции: компьютерные технологии, компьютерная техника и т. д. Весьма наглядно такой подход можно проследить в работе Е.Р. Россинской и А.И. Семикаленовой [11]. Тем более учитывая, что авторы рецензируемой работы используют понятия «цифровая фотография» и «компьютерные технологии».

В полном объеме можно поддержать мнение В.С. Латыпова [12], предлагающего исключить из УПК РФ всякое упоминание о кино съемке как анахронизм. В тех же ситуациях, когда органы следствия сталкиваются (крайне редко) с кинохроникой (либо иными кинолентами), рекомендовать использовать иные средства фиксации и изъятия следов при их обнаружении. Например, цифровые аудио- и видеосредства фиксации происходящих процессов. Характерным примером для

³ Малютина О.А. *Язык криминалистики в протоколах следственных действий* : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 205 с.

⁴ Хисматулина Н.В. *Английский язык: основы криминалистики*. СПб.: СПб ун-т МВД России, 2020. 107 с.

⁵ Трушина Е.В. *Терминосистемы криминалистики и криминологии в рамках когнитивного терминоведения: в русском и французском языках* : дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 185 с.

⁶ Шишкина Е.В. *Лингвостилистические средства реализации стратегий и тактик участников коммуникативной ситуации «Допрос» : на материале немецкого языка* : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2013. 23 с.

¹ Жижина М.В. *Теория и практика применения современной криминалистики в гражданском процессе* : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 22 с. EDN: [ZODPUP](https://zodpup.ru/).

² Маликов С.В. *Военно-полевая криминалистика*. М.: За права военнослужащих, 2008. 511 с.

внесения соответствующих изменений можно назвать ч. 2 ст. 166 УПК РФ, в которой (среди прочего) идет речь о киносъемке⁷. Соответственно, из учебного процесса и иной образовательной деятельности в современных условиях вполне можно исключить всякое использование подобной устаревшей категории, какой является киносъемка. Хотя и имеется вышедшая в свет в 2023 году интересная коллективная монография, относящаяся к процессу производства кино [13], изменить ситуацию в инновационном развитии мировых информационных технологий возможность отсутствует. Соответственно, категория «кино» переходит в раздел истории, уступая место в криминалистической теории иным, более актуальным достижениям телекоммуникационных технологий. Термин «криминалистическая киносъемка», надо отдать должное, и сегодня активно используется в новейших публикациях по криминалистике (и на уровне учебников, и в монографиях). И все же следует в полной мере согласиться с мнением учебника Е.П. Ищенко и Н.Н. Егорова⁸, обоснованно относящих киносъемку к категории вытесненных видеозаписей в криминалистической науке.

Криминалистика является не только наукой, но и учебной дисциплиной. Кроме того, И.И. Лузгин обоснованно выделяет еще и криминалистику во всемирной сети Интернет⁹. Логическим продолжением подобного подхода можно считать появление криминалистики в даркнете (теневом сегменте сети Интернет). Авторы имеющихся научных публикаций о даркнете вполне обоснованно говорят [14] о весьма высоком потенциале этого сегмента сети Интернет, не бросающемся в глаза широкому кругу пользователей. Более пристальное внимание к такому инновационному сегменту наукоёмких технологий сможет повлиять и на возникновение новых вопросов, актуальных для теории экспертологии.

В тексте курса лекций по криминалистике правильнее, с точки зрения рецензента, вести речь не об оперативно-розыскных мероприятиях, а о поисковой деятельности следователя¹⁰. Тем самым можно будет провести грань между криминалистикой и оперативно-розыскной деятельностью¹¹. В пользу такого подхода свидетельствует и значительное число издающейся в последние годы учебной литературы для студентов вузов по подобной тематике. Соответствующие источники из числа находящихся в открытом доступе оказываются доступными для изучения всеми заинтересованными лицами.

Сегодня видеокассеты практически повсеместно стали достоянием истории. Цифровые технологии при-

меняются и в криминалистике, следовательно, можно изменить указание на новые носители информации. Или говорить о фиксации результатов видеозаписи с сохранением информации в облаке или иных способах. Даже DVD-диски сегодня встретить весьма проблематично. Более того, некоторые авторы весьма обоснованно предлагают обогатить современную криминалистическую науку новым элементом – цифровой криминалистикой [15]. Подобное дополнение способно сделать рецензируемый курс лекций более соответствующим сегодняшним достижениям техники и технологий.

Заслуживает особого внимания полное исключение использования иностранных терминов (иностраных слов) в тексте курса лекций. Тем самым авторы в полном объеме обеспечили соблюдение требований Федерального закона № 52-ФЗ от 28.02.2023.

Несомненно, достойным является и анализ авторами радиоактивных следов. Об опасных объектах в деятельности криминалистов прежде писали многие ученые [16]. В целях дальнейшего развития криминалистической теории можно предложить авторам при разработке проекта следующего издания курса лекций рассмотреть вопрос о мерах безопасности персонала при работе с подобными объектами на месте происшествия и в иных ситуациях [17].

Жаль, что в тексте краткого курса лекций не нашлось упоминания о микропапиллярскопии, весьма инновационном направлении развития криминалистической науки¹². Хотя авторы и указывают на актуальность микротрасологии в структуре системы современной российской трасологии.

На формирование следов значительное влияние способно оказать время. О факторе времени в криминалистике интересные работы написал В.М. Мешков¹³ [18]. Вопрос о значении пятого измерения в восприятии обучающимися сущности современной криминалистики также можно предложить включить в учебный процесс в юридических высших учебных заведениях. В любом случае, о немецком теоретике Теодоре Франце Эдуарде Калуце (Theodor Franz Eduard Kaluza) [19], авторе понятия «пятое измерение» в математической физике, вполне целесообразно рекомендовать упомянуть. Тем более что сегодня теория Калуцы – Клейна [20] активно изучается учеными – физиками и математиками [21]. С другой стороны, стоит помнить о том, что, наряду с диалектическим материализмом, можно использовать и иные концепции при познании окружающего мира [8]. Подобный подход в значительной степени обогащает основы теории современной российской криминалистики, заложенные Р.С. Белкиным¹⁴. Отсюда можно сделать вывод, что именовать следы двухмерными – весьма спорно. Всякий след сегодня возможно охарактеризовать как минимум с четырех измерений. О влиянии пятой системы координат сейчас остается лишь предполагать.

⁷ «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=444860&dst=101252#9f4xViTemreX2Tu4>.

⁸ Егоров Н.Н., Ищенко Е.П. Криминалистика. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 617 с.

⁹ Лузгин И.И. Криминалистика. В 5 ч. Ч. 1. Научно-теоретические и теоретические основы. Новополюк: ПГУ, 2009. 384 с. С. 9.

¹⁰ Заровнева Г.С., Киселева С.Е. Криминалистические аспекты розыскной и поисковой деятельности следователя. М.: Проспект, 2016. 112 с.

¹¹ Лапин Е.С. Теория оперативно-розыскной деятельности. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 439 с.

¹² Пономарев В.В. Дактилоскопия и дактилоскопическая экспертиза: микропапиллярскопия. М.: Юрайт, 2023. 137 с.

¹³ Мешков В.М. Криминалистическое учение о временных связях и отношениях при расследовании преступлений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1995. 382 с.

¹⁴ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3-х т. Т. 1: Общая теория криминалистики. М.: Юрист, 1997. 404 с. С. 60.

Говоря о видах следов рук, рекомендуется вспомнить о пороскопических следах и, соответственно, о необходимости изъятия их на месте происшествия (месте их обнаружения) целиком без обработки с принятием мер по обеспечению сохранности следов пор¹⁵. Уместно в данном отношении вспомнить об авторах относительно недавно предложенного научной общественности метода А.В. Водозаова и Г.В. Михайленко, касающегося поиска, изъятия и исследования отпечатков потожировых следов рук на коже как живого человека, так и трупа [22].

При анализе механизма выявления, изъятия и исследования следов босых ног и обуви рекомендуется отметить необходимость предварительного изучения возможности поиска и изъятия одорологических (запаховых) следов на подобных обнаруженных объектах. С другой стороны, можно предложить существенно расширить круг потенциально возможных экспертных исследований следов ступни босой ноги за счет включения пороскопического исследования. Аналогичную ситуацию можно отметить и с рекомендацией эджеоскопического экспертного исследования отпечатков следов босой ноги, в рамках которой планируется изучить особенности неровностей (выступов и впадин) на краях папиллярных линий и пор ступни человека. Интерес может представлять и рекомендация по проведению пальмоскопического исследования следов босой ноги человека (исследования папиллярных линий, флексорных (сгибательных) складок, морщин, пор). При расширении предлагаемого читателям рецензируемой работы потенциала средств работы со следами ног на месте происшествия интересно процитировать, в частности, Т.Ф. Моисееву [23]. Она предлагает применять инновационные технологии: беспилотные летательные аппараты, 3D-моделирование и биодетекторы. Особенно актуально подобное инновационное совершенствование тактики работы на месте происшествия со следами ног сможет оказаться в условиях высоких степеней опасности, которые, в силу самых разных причин, сегодня периодически имеют место в следственной практике, экспертной деятельности и оперативно-розыскной практике. Интересной может стать и рекомендация учитывать при разработке подобных криминалистических рекомендаций указания по импортозамещению, актуальные для современной практики российских правоохранительных и иных силовых органов. Мнение М.М. Голембиовского и Е.В. Кондрашовой, анализирующих импортозамещение сугубо в плоскости расследования инцидентов, имевших место в сфере информационной безопасности¹⁶, в современных условиях представляется возможным распространить на всю сферу криминалистической, экспертной и оперативно-розыскной деятельности. Теоретически возможность

¹⁵ Хмелева А.В. Судебная экспертиза на предварительном следствии. М.: Юрлитинформ, 2022. 199 с. С. 102.

¹⁶ Голембиовский М.М., Кондрашова Е.В. Возможности импортозамещения в сфере расследования инцидентов информационной безопасности // Развитие современной науки и технологий в условиях трансформационных процессов: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. М.: Издательство АЛЕФ, 2022. С. 278–284. EDN: [AGDBWG](#).

оговорок из подобной рекомендации можно считать обсуждаемой в рамках дальнейшей исследовательской деятельности. Хорошим подспорьем для формирования правильного ответа на подобный непростой в плане реализации аспект совершенствования криминалистической и иной связанной деятельности способно стать широкое обсуждение научной общественностью подобной проблемной ситуации. Например, в формате всероссийской научно-практической конференции. С подобной точки зрения можно взглянуть и на недавно защищенную диссертацию О.Г. Костюченко¹⁷. Можно сослаться и на опыт компетентных должностных лиц Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, активно использующих при осмотре места происшествия в условиях помещения предварительное распыление жидкого полиэтилена на потенциальные объекты-носители самых разнообразных следов и, по мере застывания пластической массы, ее сворачивания и изъятия вместе с выявленными следами. Предполагается, что объективность обнаруженного следового материала сохранит актуальное для целей расследования состояние (особенно в отношении микрочастиц).

При анализе следов орудий взлома и инструментов можно отметить и такой сравнительно широко распространенный на протяжении целого ряда лет в российской практике способ взлома замков дверей и сейфов, как использование жидкого азота для охлаждения материалов замка, которые затем легко деформируются под воздействием сравнительно небольшого удара. Следы, образующиеся после такого криминального воздействия, будут носить несколько иную природу¹⁸.

Предлагаемые авторами рецензируемой работы теоретические, методологические и организационные подходы, рекомендуемые для криминалистической деятельности, можно оценить как сугубо рациональные. Они являются тщательно мотивированными. Материал работы изложен авторами с высокой степенью доказательности (наглядности, иллюстративности), он соответствует сегодняшним российским подходам к актуальной картине мира.

Можно предположить повышение качества (эффективности) следственной и оперативно-розыскной деятельности по итогам использования данного источника научной криминалистической информации в образовательной деятельности в российской высшей школе (в первую очередь по отношению к аудитории будущих сотрудников правоохранительных органов и спецслужб). Востребованным этот материал способен оказаться и для судей, адвокатов и всех интересующихся криминалистикой и связанными с ней научными вопросами. Профессиональное мастерство авторов издания вполне достойно самого широкого распространения. Серьезным проблемным моментом можно назвать малый тираж издания. Остается предполагать издание второй редакции материала в печатном и/или цифровом

¹⁷ Костюченко О.Г. Высокотехнологичная тактическая операция «Осмотр места происшествия»: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 23 с.

¹⁸ Справочник криминалиста-трасолога / авт.-сост. Ю.П. Фролов, Г.Н. Степанов. Волгоград: Волгоградская акад. МВД России, 2007. 214 с. С. 158.

формате. В итоге доступность издания для научной юридической общественности станет выше.

По мнению рецензента, стоит высказать благодарность авторам работы за ее подготовку, редактирование и опубликование.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цупикова Е.В. Особенности организации и построения лекционной формы обучения в технологии оптимизации учебного процесса вуза // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2016. № 1. С. 64–69. EDN: [VNESMX](#).
2. Виноградова О.П. Криминалистическая характеристика преступления как ключевой элемент совершенствования частных методик расследования // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2. С. 45–49. EDN: [FAMNWI](#).
3. Кисленко С.Л. Оптимизация доказательственной деятельности государственного обвинителя в процессе судебного разбирательства уголовных дел // Законность. 2023. № 6. С. 36–41. EDN: [DQISEL](#).
4. Иванов А.Н., Хижняк Д.С. История саратовской научной школы криминалистики: в 3 ч. Ч. 1. Саратов: Саратовская государственная юридическая академия, 2022. 268 с. EDN: [UMOGMP](#).
5. Боруленков Ю.П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. Владимир: Владимирский государственный университет, 2009. 551 с. EDN: [QRHPYZ](#).
6. Кучин О.С., Кучина Я.О. Криминалистическое обеспечение деятельности адвоката по уголовным делам об убийствах. М.: Юрлитинформ, 2020. 141 с.
7. Крестовников О.А. Системно-деятельностный анализ методологии криминалистики. М.: Юрлитинформ, 2013. 266 с.
8. Шошин С.В. Правовое государство: моделирование, перспективы развития // Правовое государство: теория и практика. 2023. № 1. С. 67–74. DOI: [10.33184/pravgos-2023.1.11](#).
9. Шамне Н.Л., Шишкина Е.В. Допрос: стратегии и тактики, лингвистические средства их реализации: на материале немецкого языка. Волгоград: ВолгГМУ, 2019. 156 с.
10. Игнатьев М.Е. Научные и прикладные основы криминалистической теории причинности. Белгород: БелГУ, 2018. 115 с.
11. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 3. С. 745–759. DOI: [10.21638/spbu14.2020.315](#).
12. Латыпов В.С. Киносъемка лицами, оказывающими содействие правосудию, как способ фиксации доказательств в современном уголовном процессе России // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. Т. 11. № 1. С. 113–118. EDN: [TOFRUS](#).
13. Косинова М.И., Фомин В.И. История российской кинематографии (1968–1991 гг.): Управление. Репертуарная политика. Кинопроизводство. Кинофи-
14. Дворянкин О.А. Даркнет – темная сторона Интернета или неужели так все плохо? // Национальная ассоциация ученых. 2021. № 71-1. С. 14–20. DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2021.1.71.470](#).
15. Сотников К.И., Парамонова Г.В. Цифровая криминалистика: современные реалии и возможности // Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 4. С. 24–30. DOI: [10.26163/GIEF.2022.11.42.004](#).
16. Корма В.Д. Опасные вещества и их классификация в криминалистике // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 5. С. 143–154. DOI: [10.17803/1994-1471.2018.90.5.143-154](#).
17. Шошин С.В. Проблемы поиска способов противодействия новым угрозам персонала при производстве следственных и судебных действий // Глаголь правосудия. 2020. № 4. С. 35–40. EDN: [RYNLRL](#).
18. Мешков В.М. Основы криминалистической теории временных связей. М.: Академия МВД, 1994. 130 с.
19. Kaluza T. Zum Unitätsproblem der Physik // Sitzungsberichte Preußische Akademie der Wissenschaften. 1921. P. 966–972. DOI: [10.1142/S0218271818700017](#).
20. Ходос А. Теория Калуцы-Клейна: общий обзор // Успехи физических наук. 1985. Т. 146. № 4. С. 647–654. DOI: [10.3367/UFNr.0146.198508d.0647](#).
21. Куталёв А.А. Теория Калуцы-Клейна в анизотропном пространстве // Математические структуры и моделирование. 1998. № 2. С. 133–145. EDN: [XDYPUT](#).
22. Водолазов А.В., Михайленко Г.В. Методы выявления и фиксации потожировых следов рук на коже человека (труп): современное состояние и перспективы разработки // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2014. № 2. С. 84–89. EDN: [YUDQVZ](#).
23. Моисеева Т.Ф. Инновационные технологии осмотра места происшествия // Вестник экономической безопасности. 2021. № 3. С. 170–173. DOI: [10.24412/2414-3995-2021-3-170-173](#).

REFERENCES

1. Tsupikova E.V. Organization and construction specificities of lecture form of teaching in optimization technology of educational process. *Omskiy nauchnyy vestnik. Seriya Obshchestvo. Istoriya. Sovremennost*, 2016, no. 1, pp. 64–69. EDN: [VNESMX](#).
2. Vinogradova O.P. Criminalistic characteristics of the crime as a key element of improvement private investigation techniques. *Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2022, no. 2, pp. 45–49. EDN: [FAMNWI](#).
3. Kislenco S.L. Optimization of evidentiary activity of the public prosecutor in the course of judicial proceedings on criminal cases. *Zakonnost*, 2023, no. 6, pp. 36–41. EDN: [DQISEL](#).
4. Ivanov A.N., Khizhnyak D.S. *Istoriya saratovskoy nauchnoy shkoly kriminalistiki* [History of the Saratov scientific school of forensic science]. Saratov, Saratovskaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya Publ., 2022. Ch. 1, 268 p. EDN: [UMOGMP](#).
5. Borulenkoy Yu.P. *Yuridicheskoe poznanie v protsesualnoy, operativno-rozysknoy i chastnoy detektivnoy*

- deyatelnosti* [Legal knowledge in procedural, operational-investigative and private detective activities]. Vladimir, Vladimirskiy gosudarstvennyy universitet Publ., 2009. 551 p. EDN: [QRHPYZ](#).
6. Kuchin O.S., Kuchina Ya.O. *Kriminalisticheskoe obe-specheniye deyatelnosti advokata po ugovolnym delam ob ubiystvakh* [Forensic support for the activities of a lawyer in criminal cases on murders]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2020. 141 p.
 7. Krestovnikov O.A. *Sistemno-deyatelnostnyy analiz metodologii kriminalistiki* [System-activity analysis of forensic science methodology]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 266 p.
 8. Shoshin S.V. The rule-of-law state: modeling, development prospects. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*, 2023, no. 1, pp. 67–74. DOI: [10.33184/pravgos-2023.1.11](#).
 9. Shamne N.L., Shishkina E.V. *Dopros: strategii i taktiki, lingvostilisticheskie sredstva ikh realizatsii: na materiale nemetskogo yazyka* [Examination: strategies and tactics, linguistic and stylistic means of their implementation: based on the German language]. Volgograd, VolgGMU Publ., 2019. 156 p.
 10. Ignatev M.E. *Nauchnye i prikladnye osnovy kriminalisticheskoy teorii prichinnosti* [Scientific and applied foundations of forensic theory of causality]. Belgorod, BelGU Publ., 2018. 115 p.
 11. Rossinskaya E.R., Semikalenova A.I. Fundamental doctrine of the criminalistics study of computer tools and systems as part of the theory of information and computer support for criminalistics activities. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*, 2020, vol. 11, no. 3, pp. 745–759. DOI: [10.21638/spbu14.2020.315](#).
 12. Latypov V.S. Filming by persons who provide assistance to justice as a way of fixing evidence in modern criminal proceedings in Russia. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2020, vol. 11, no. 1, pp. 113–118. EDN: [TOFRUS](#).
 13. Kosinova M.I., Fomin V.I. *Istoriya rossiysskoy kinematografii (1968–1991 gg.): Upravlenie. Repertuarnaya politika. Kinoproizvodstvo. Kinofikatsiya. Kinoprokat. Kinotekhnika. Kinoobshchestvennost. Zarubezhnye svyazi. Kadry* [History of Russian cinematography (1968–1991): Management. Repertoire policy. Film production. Inclusion in movie circuit. Film distribution. Cinema equipment. Cinema community. Foreign relations. Human resources]. Moscow, Kanon + ROOI “Reabilitatsiya” Publ., 2023. 880 p.
 14. Dvoryankin O.A. Darknet the dark side of the internet or is it really so bad? *Natsionalnaya assotsiatsiya uchenykh*, 2021, no. 71-1, pp. 14–20. DOI: [10.31618/nas.2413-5291.2021.1.71.470](#).
 15. Sotnikov K.I., Paramonova G.V. Digital forensics: current realities and opportunities. *Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy*, 2022, no. 4, pp. 24–30. DOI: [10.26163/GIEF.2022.11.42.004](#).
 16. Korma V.D. Dangerous substances and their classification in forensic science. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava*, 2018, no. 5, pp. 143–154. DOI: [10.17803/1994-1471.2018.90.5.143-154](#).
 17. Shoshin S.V. Problems of searching for methods of countering new threats to personnel when producing investigative and judicial actions. *Glagol pravosudiya*, 2020, no. 4, pp. 35–40. EDN: [RYNLRL](#).
 18. Meshkov V.M. *Osnovy kriminalisticheskoy teorii vremennykh svyazey* [Basic principles of forensic science theory of temporal links]. Moscow, Akademiya MVD Publ., 1994. 130 p.
 19. Kaluza T. Zum Unitätsproblem der Physik. *Sitzungsberichte Preußische Akademie der Wissenschaften*, 1921, pp. 966–972. DOI: [10.1142/S0218271818700017](#).
 20. Chodos A. Kaluza-Klein Theories: Overview. *Comments Nucl. and Part. Phys*, 1984, vol. 13, no. 4, pp. 171–181.
 21. Kutalev A.A. Kaluza-Klein theory in anisotropic space. *Matematicheskie struktury i modelirovanie*, 1998, no. 2, pp. 133–145. EDN: [XDYPUT](#).
 22. Vodolazov A.V., Mikhaylenko G.V. Methods of visualization and recovery of sweat and oil fingerprint deposits on human (corpse) skin: current state and prospects. *Voprosy kriminologii, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy*, 2014, no. 2, pp. 84–89. EDN: [YUDQVZ](#).
 23. Moiseeva T.F. Innovative technologies for inspection of the scene of the accident. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2021, no. 3, pp. 170–173. DOI: [10.24412/2414-3995-2021-3-170-173](#).

REVIEW of the series of lectures “Forensic Science: a short series of lectures for students of the training program 40.03.01 Jurisprudence”

by **E.S. Shurshalova, S.N. Smolkov**

(Shurshalova E.S. *Kriminalistika: kratkiy kurs lektsiy dlya obuchayushchikhsya po napravleniyu podgotovki 40.03.01 Yurisprudentsiya*

[Forensic Science: a short series of lectures for students of the training program 40.03.01 Jurisprudence] /
E.S. Shurshalova, S.N. Smolkov. – Saratov, Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennostyu “Amirit” Publ.,
2023. – 179 p. – ISBN 978-5-00207-230-9)

© 2024

Sergey V. Shoshin, PhD (Law), Associate Professor,
assistant professor of Chair of Criminal, Ecological Law and Criminology,
doctoral candidate of Faculty of Arts

Saratov N.G. Chernyshevsky National Research State University, Saratov (Russia)
Charles University, Prague (Czech Republic)

E-mail: shoshin.1931199@studenti.uniroma1.it,
serguei8@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2639-4429>

Received 28.03.2024

Accepted 11.07.2024

НАШИ АВТОРЫ

Бабич Александр Викторович, арбитражный управляющий.

Адрес: Саморегулируемая организация

«Ассоциация арбитражных управляющих "Содружество"»,

191124, Россия, г. Санкт-Петербург, Суворовский пр-т, 65, лит. Б, пом. 8-Н-43.

E-mail: Aleksandr19192aau43@mail.ru

Вершинина Светлана Ивановна, доктор юридических наук, доцент,
директор Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

Кожевников Роман Олегович, студент Института права.

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: rom.kojewnikoff2017@yandex.ru

Корчагина Кристина Александровна, старший преподаватель
кафедры «Уголовное право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Рыбушкин Николай Николаевич, кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин.

Адрес: Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),

420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42.

E-mail: rybushkin@ieml.ru

Скоробогатов Андрей Валерьевич, доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин.

Адрес: Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),

420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42.

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Чуклова Елена Валериевна, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры «Гражданское право и процесс».

Адрес: Тольяттинский государственный университет,

445020, Россия, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14.

E-mail: elenachuklova@mail.ru

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного, экологического права и криминологии,

докторант факультета искусств.

Адрес 1: Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н.Г. Чернышевского,

410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Адрес 2: Карлов университет,

110 00, Чешская Республика, г. Прага, ул. Оплеталова, 38.

E-mail: shoshin.1931199@studenti.uniroma1.it

OUR AUTHORS

Babich Aleksandr Viktorovich, insolvency practitioner.

Address: Insolvency Practitioners Association “Sodruzhestvo”, Self-Regulating Organization, 191124, Russia, St. Petersburg, Suворovsky Prospekt, 65, building B, office 8-N-43.

E-mail: Aleksandr19192aau43@mail.ru

Chuklova Elena Valerievna, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair “Civil Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

E-mail: elenachuklova@mail.ru

Korchagina Kristina Aleksandrovna, senior lecturer of Chair “Criminal Law and Procedure”.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

E-mail: kris.alexandrovna1992@yandex.ru

Kozhevnikov Roman Olegovich, student of the Institute of Law.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

E-mail: rom.kojewnikoff2017@yandex.ru

Rybushkin Nikolay Nikolaevich, PhD (Law), Associate Professor, professor of Chair of Theory of State and Law and Public Law Disciplines.

Address: Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEMML), 420111, Russia, Kazan, Moskovskaya Street, 42.

E-mail: rybushkin@ieml.ru

Skorobogatov Andrey Valeryevich, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, professor of Chair of Theory of State and Law and Public Law Disciplines.

Address: Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEMML), 420111, Russia, Kazan, Moskovskaya Street, 42.

E-mail: skorobogatov@ieml.ru

Shoshin Sergey Vladimirovich, PhD (Law), Associate Professor, assistant professor of Chair of Criminal, Ecological Law and Criminology, doctoral candidate of Faculty of Arts.

Address 1: Saratov N.G. Chernyshevsky National Research State University, 410012, Russia, Saratov, Astrakhanskaya Street, 83.

Address 2: Charles University, 110 00, Czech Republic, Prague, Opletalova Street, 38.

E-mail: shoshin.1931199@studenti.uniroma1.it

Vershinina Svetlana Ivanovna, Doctor of Sciences (Law), Associate Professor, Director of the Institute of Law.

Address: Togliatti State University, 445020, Russia, Togliatti, Belorusskaya Street, 14.

E-mail: svetlana-vershinina@yandex.ru

Фото на обложке: А. Чернявский.